

100

ВЕЛИКИХ РАЗВЕДЧИКОВ РОССИИ

100 великих (Вече)

Владимир Антонов

**100 великих
разведчиков России**

«ВЕЧЕ»

2017

Антонов В. С.

100 великих разведчиков России / В. С. Антонов —
«ВЕЧЕ», 2017 — (100 великих (Вече))

ISBN 978-5-4444-8663-4

Предлагаемая книга – сборник очерков о судьбах сотрудников внешней разведки России. Здесь приводятся их краткие биографии, описываются наиболее яркие эпизоды их оперативной деятельности. Историю разведывательной службы нашего государства писали тысячи «бойцов невидимого фронта», многих из которых можно назвать выдающимися, или даже великими. В рамках данной серии мы представляем только 100 имен. Естественно, этот выбор можно назвать условным и субъективным. Тем не менее при отборе героев повествования мы постарались учесть сложившееся о них устойчивое мнение как о людях, получивших широкое признание и добившихся конкретных успехов на разведывательном поприще. Многие из героев книги всю жизнь посвятили разведке, у других внимания заслуживает какой-то один, но очень яркий эпизод их работы. О разведывательной деятельности одних хранятся целые тома в архивах. Замечательные биографии других приходилось собирать из весьма отрывочных сведений, да и то основанных лишь на воспоминаниях сослуживцев. Но в нашем понимании всех их вполне можно отнести к личностям исторического масштаба.

ISBN 978-5-4444-8663-4

© Антонов В. С., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Вместо предисловия	7
Разведка Российской империи накануне Отечественной войны 1812 года	9
Князь Михаил Богданович Барклай де Толли	10
Алексей Воейков	12
Граф Арсений Закревский	14
Граф Павел Граббе	17
Роберт Ренни	20
Барон Тейль ван Сераскеркен	22
Петр Чуйкевич	24
Виктор Прендель	26
Светлейший князь Александр Чернышов	28
Невидимый фронт Первой мировой войны	31
Артур Рафалович	33
Петр Рачковский	35
Николай Батюшин	38
В борьбе за новую Россию	42
Секретный сотрудник ВЧК Алексей Филиппов	45
Штабс-капитан Алексей Луцкий	49
Яков Давтян (Давыдов)	54
Руководитель разведки Меер Трилиссер	57
Разведчик Павел Дьяконов	60
Артур Артузов	64
Андрей Федоров	68
Сергей Третьяков	71
Николай Крошко – «король кремлевских шпионов»	75
«Да Винчи» советской разведки Борис Базаров	79
Сергей Шпигельглаз	83
Доктор Линицкий	86
Трагедия разведчика Глинского	89
Дмитрий Быстролетов	93
Резидент Георгий Косенко	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

В. С. Антонов

Сто великих разведчиков России

© Антонов В. С., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

*100-летию ВЧК – КГБ – ФСБ,
а также чекистам-разведчикам
и контрразведчикам
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Вместо предисловия

20 декабря 1920 года председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) Феликс Эдмундович Дзержинский подписал исторический приказ № 169 о создании Иностранного отдела ВЧК.

Эту дату принято считать днем рождения советской внешней разведки, преемницей которой в наши дни является Служба внешней разведки Российской Федерации.

За прошедшие годы на счету сотрудников внешней разведки было много славных дел. Но об успехах разведки говорить не принято, это о ее неудачах трубят всюду. И это понятно: разведка – специфический вид человеческой деятельности, который может осуществляться только в условиях абсолютной секретности вокруг ее повседневной работы.

Однако проходят годы, открываются архивы секретных служб, общественность узнает различные факты из истории внешней разведки, появляется возможность рассказать о людях, внесших выдающийся вклад в обеспечение безопасности нашей Отчизны.

Историю разведывательной службы нашего государства писали тысячи ее сотрудников, многих из которых можно назвать выдающимися и даже великими. Но в рамках данной серии мы представляем только сто персоналий. Естественно, этот выбор можно назвать условным и субъективным. Да и не реально охватить в одной книге деятельность всех или даже только лучших разведчиков. Тем не менее при отборе героев повествования мы постарались учесть сложившееся о них в Службе устойчивое мнение, как о людях, получивших широкое признание и добившихся конкретных успехов на разведывательном поприще.

...Имена разведчиков. За каждым из них – судьба, порой трагическая, эпизод, а то и целая страница в истории разведки. О таких виртуозах, магистрах разведки, как Быстролетов, Дейч, супруги Коэн, Зарубин, Фишер, Молодой, можно писать романы, делать фильмы – они проникали в самые сокровенные тайны противника, добывая важную информацию, порой с немалым риском для жизни.

Приведенные в этой книге сведения – лишь малая толика пути наиболее ярких, талантливых разведчиков, чьи имена занесены на Мемориальную доску и Доску почета Службы внешней разведки России или отмечены в ее многотомном официальном издании – «Очерках истории российской внешней разведки».

Многие из героев книги всю жизнь посвятили разведке, у других внимания заслуживает какой-то один, но очень яркий эпизод их работы, третьи попали в книгу, так как стали известны общественности лишь вследствие предательства, но проявили себя в сложных условиях с самой лучшей стороны. Часть имен читатель узнает впервые, другие ему могут быть знакомы по другим книгам, публикациям или кинофильмам. Но обойти их было бы несправедливо.

По-разному сложились их судьбы. Одни достигли высоких постов, что само по себе явилось признанием их особой роли в деятельности секретной службы, другие разделили трагическую участь тех, кого не миновал большой террор, кто погиб в ежовско-бериевских застенках. О разведывательной деятельности одних – целые тома в архиве, замечательные биографии других приходилось собирать из весьма отрывочных сведений, да и то основанных лишь на воспоминаниях сослуживцев. Но в нашем понимании, всех их вполне можно отнести к личностям исторического масштаба.

Предлагаемая книга – сборник небольших очерков о судьбах выдающихся разведчиков России. Здесь приводятся их краткие биографии, описываются наиболее яркие эпизоды оперативной деятельности. Мы надеемся, что такая информация заинтересует исследователей, журналистов и просто читателей, небезразличных к истории отечественных спецслужб и к их сотрудникам – людям особой профессии.

В книге использованы материалы из архива Службы внешней разведки России, сведения, опубликованные в российских и зарубежных изданиях. Часть очерков написана на основе встреч и бесед автора с некоторыми из героев этой книги или с их коллегами по работе, друзьями, родными и близкими.

Разведка Российской империи накануне Отечественной войны 1812 года

В настоящее время, когда речь заходит об отечественной, российской внешней разведке, то фигурирует в основном XX век. Между тем ее исторические корни гораздо глубже, относятся к началу XIX века и имеют чисто военную направленность. К сожалению, функционирование разведки накануне и в ходе войны 1812 года относится к малоизученным темам российской военной истории.

Впервые централизованная структура управления русской разведкой была создана за два года до вторжения наполеоновских войск в Россию. Произошло это в 1810 году по инициативе бывшего в то время военным министром генерала от инфантерии Михаила Богдановича Барклая де Толли и с одобрения императора Александра I. Летом 1810 года генерал в докладе Александру I выдвинул программу организации разведки за границей и получил разрешение «направить к русским посольствам военных агентов».

Перед «военными агентами» в качестве основной ставилась задача ведения агентурной, разведывательной работы. Иными словами в круг их обязанностей входили: вербовка агентуры, сбор разведывательной информации за рубежом, ее анализ и выработка рекомендаций для российского руководства. Чтобы не путать с созданной после октябрьских событий 1917 года внешней разведкой органов государственной безопасности, мы будем называть разведку, действовавшую накануне Отечественной войны 1812 года, – военной.

Князь Михаил Богданович Барклай де Толли

Созданный 28 августа 1810 года военным министром Барклаем де Толли в предвидении войны с Наполеоном первый специальный разведывательный орган России именовался «Экспедицией секретных дел при Министерстве военно-сухопутных сил». Экспедиция подчинялась непосредственно только военному министру. Результаты ее деятельности не включались в ежегодный министерский отчет, а круг обязанностей сотрудников определялся особо установленными правилами.

29 сентября 1810 года «Экспедиция секретных дел при Министерстве военно-сухопутных сил» была реорганизована в «Особенную канцелярию при военном министре».

Михаил Богданович Барклай де Толли

Аппарат сотрудников «Особенной канцелярии» был очень небольшим: помимо семи закордонных агентов в ней служили директор, подчинявшийся лично министру, три экспедитора и один переводчик.

Вся канцелярия работала в условиях строжайшей секретности и подчинялась только Барклаю де Толли. Об ее деятельности не было известно практически никому из современников. Поэтому в мемуарах об эпохе 1812 года она не упоминается, как и практически не упоминается деятельность ее руководителей и сотрудников за рубежом.

Свою деятельность российская военная разведка вела сразу по нескольким направлениям: стратегическая разведка (сбор секретной политической и военной информации за границей); тактическая разведка (сбор сведений о войсках противника на территории сопредельных государств, что было очень важно накануне войны); контрразведка (выявление и нейтрализация агентуры спецслужб Франции и ее союзников); войсковая разведка. Таким образом впервые добыча секретной военно-политической информации за рубежом была поставлена на регулярную, профессиональную основу. Следует подчеркнуть, что все сведения, полученные по линии военной разведки накануне 1812 года, были очень внимательно рассмотрены императором Александром I и позволили ему принять необходимые меры по подготовке к предстоящей войне.

Создавая первый специальный централизованный разведывательный орган, Барклай де Толли прекрасно понимал, что ему нужны в первую очередь постоянные представители – «зарубежные военные агенты» – в российских посольствах ряда европейских стран. Именно они должны были добывать такую необходимую в предвоенное время разведывательную информацию «о числе войск, об устройстве, вооружении и духе их, о состоянии крепостей и запасов, способностях и достоинствах лучших генералов, а также о благосостоянии, характере и духе народа, о местоположениях и произведениях земли, о внутренних источниках держав или средствах к продолжению войны и о разных выводах, предоставляемых к оборонительным и наступательным действиям» (из доклада Барклая де Толли Александру I. – *Авт.*). Эти «военные агенты» должны были находиться при дипломатических миссиях под видом гражданских чиновников и служащих Министерства иностранных дел. В посольства и миссии, где главами состояли «послы военных генеральских чинов», были направлены для разведывательной работы офицеры в официальном качестве адъютантов таких послов-генералов. Кандидатуры на эти должности подбирались весьма тщательно. Как правило, это были представители богатых дворянских семей, получившие прекрасное домашнее воспитание, офицеры, участвовавшие в военных кампаниях. Они не только имели боевой опыт и владели иностранными языками, но и знали реалии жизни в Европе.

Министр с особой тщательностью подбирал «военных агентов», которые должны были выехать в столицы ряда европейских государств для работы в российских посольствах, возглавляемых послами-генералами, в качестве их адъютантов. Отобранные им кандидаты для ведения разведки за рубежом имели военное образование, являлись энергичными людьми, владели иностранными языками и в большинстве своем хорошо знали местные условия и национальные особенности населения тех стран, где им предстояло работать.

Для каждого из направляемых за границу в качестве адъютантов офицеров разрабатывалась персональная инструкция, сформулированная в русле общих требований разведывательной деятельности.

В дальнейшем, обогатившись опытом дипломатической и разведывательной деятельности и возвратившись на Родину, эти офицеры успешно продвигались по службе, делали карьеру. Все они дослужились до генеральских чинов (за исключением молодого Григория Орлова, в 21 год в звании поручика активно работавшего в Берлине, а в 22 года лишившегося ноги в сражении при Бородино, награжденного орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом и уволенного в отставку «за ранами» в 1818 году в звании полковника. – *Авт.*), были удостоены высших орденов Российской империи. Многие офицеры, служившие в «корпусе военных дипломатов», со временем заняли посты губернаторов, министров, руководителей военных штабов, командующих округами и флотами, стали видными военачальниками.

Алексей Воейков

Первым руководителем «Экспедиции секретных дел при Министерстве военно-сухопутных сил», а с сентября 1810 года – «Особенной канцелярии» был доверенный сотрудник военного министра флигель-адъютант полковник Алексей Васильевич Воейков.

Он родился 9 декабря 1778 года в селе Рассказово под Тамбовом в дворянской семье. Отец – отставной капитан артиллерии.

Алексей Васильевич Воейков

В 1793 году Алексей был записан в гвардию и начал обучение в Московском университетском пансионе, который с отличием окончил в мае 1796 года.

С 1797 года состоял на действительной военной службе в чине прапорщика Ярославского мушкетерского полка. Затем служил в пехоте на адъютантских должностях. Участвовал в Швейцарском походе русской армии (1799 год), где был ординарцем у А. В. Суворова. Затем являлся адъютантом у ряда русских генералов.

Во время Русско-турецкой войны 1806–1812 годов служил в 1806 году в чине капитана в Днепровской армии, занявшей Молдавию.

В Русско-шведскую войну 1808–1809 годов состоял адъютантом при генерале Барклае де Толли. По его поручению вел переговоры со шведами. В 1809 году был отмечен Барк-

лаем де Толли «за проявленную храбрость в боях со шведами и высокие навыки штабной работы». Именно возвышением Баркляя де Толли и его личной благосклонностью к своему адъютанту были обусловлены служебный рост Воейкова и его перевод в Военное министерство в звании плац-майора. 1 января 1810 года Воейков получил чин полковника, а через несколько месяцев был назначен флигель-адъютантом императора Александра I.

В августе 1810 года, сумев проявить именно те качества, которые особенно ценил в нем военный министр, флигель-адъютант полковник Воейков был назначен руководителем военной разведки России – Экспедиции секретных дел. Следует отметить, что именно с этих позиций А. В. Воейков активно способствовал назначению в 1811 году Михаила Кутузова главнокомандующим Дунайской армии.

В марте 1811 года в дополнение к занимаемым постам Воейков был назначен редактором комиссии по составлению воинских уставов и Уложения. Работая в комиссии, он сблизился с будущим видным российским государственным деятелем, генерал-губернатором Сибири и членом Государственного совета Михаилом Сперанским, являвшимся в то время директором одного из департаментов Министерства внутренних дел. Однако в марте 1812 года Сперанский попал в опалу и по указанию императора был отправлен в ссылку в Пермь. А Воейков, из-за близости к Сперанскому, был переведен из министерства и в марте 1812 года назначен командиром 3-й егерской бригады 27-й пехотной дивизии.

В должности командира бригады Воейков принимал активное участие в Отечественной войне 1812 года. Сражался под Красным, Смоленском, Шевардином. В Бородинском сражении его бригада находилась в составе передового отряда. За отличие в этом сражении Воейков был произведен в генерал-майоры.

В ходе Заграничного похода 1813–1814 годов генерал-майор Воейков был ранен в правую руку на вылет в бою при Кайзерсвальде. За храбрость был награжден золотой шпагой с бриллиантами.

17 июня 1815 года Алексей Васильевич вышел в «отставку с мундиром» и поселился с семьей в тамбовском имении Ольшанка. Скончался 22 июня 1825 года в своем родовом селе Рассказово под Тамбовом. Похоронен в Трегуляевском Предтеченском монастыре.

За период военной службы А. В. Воейков был награжден четырьмя российскими и несколькими иностранными орденами, а также двумя золотыми шпагами.

Следует также отметить, что Алексей Воейков был хорошо известен как поэт и переводчик. Во время учебы и несколько позже он занимался переводами прозы немецких авторов, которые были опубликованы в столичных журналах. Его собственные поэтические и литературные произведения (оды, стихотворения, статьи) публиковались в российских журналах и сборниках. Алексей Воейков состоял в переписке с Г. Р. Державиным и поэтами – членами его литературного общества.

Граф Арсений Закревский

21 марта 1812 года Алексея Васильевича Воейкова на посту директора «Особенной канцелярии при военном министре» сменил полковник Арсений Андреевич Закревский. Новый руководитель русской военной разведки и контрразведки прошел хорошую боевую школу в последних войнах России с Францией, Швецией и Турцией и зарекомендовал себя как отличный штабной офицер.

Арсений Закревский родился 13 сентября 1783 года в селе Берниково Зубцовского уезда Тверской губернии. Из дворянского рода польского происхождения. Сын мелкопоместного дворянина Тверской губернии, поручика в отставке.

Граф Арсений Андреевич Закревский

Много позже герой Отечественной войны 1812 года, военный писатель и поэт Денис Давыдов в письме к Арсению Закревскому подчеркивал: «Ты не из того класса, который в колыбели валяется на розовых листах и в зрелые годы не сходит с атласного дивана, а из наших братьев, перешедших на диван (и то кожаный, и по милости царя и верной службы) с пука соломы». Вся жизнь, военная служба и деятельность Закревского являлась подтверждением слов Давыдова.

В 1802 году Закревский с отличием окончил Гродненский (Шкловский) кадетский корпус и был определен прапорщиком в Архангелогородский мушкетерский полк. Отличился в сражении при Аустерлице (ноябрь 1805 года): во время боя спас командира полка генерал-майора Н. М. Каменского от плена, предложив ему свою лошадь вместо убитой. За проявленную храбрость удостоился ордена Св. Анны 3-й степени.

В 1806 году Закревский был произведен в полковые адъютанты. С успехом действовал в сражении у Прейсиш-Эйлау. В апреле 1807 года стал бригадным адъютантом. Во время русско-шведской войны принимал участие в сражениях у озера Куортане и при Оровайсе.

В декабре 1808 года Закревский был назначен начальником канцелярии главнокомандующего русской армией в Финляндии и удостоился ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом. За участие в сражениях в Вестерботнии, при Зеераре и у гавани Ратан получил золотую шпагу «За храбрость».

После назначения генерала Каменского главнокомандующим русской армией в Молдавии в марте 1810 года Закревский стал начальником его походной канцелярии. Отличился при взятии Шумлы (июнь 1810 года) и штурме Рущука (июль 1810 года), а также в сражении при Батине. Был дважды контужен. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В представлении к награждению указывалось: «Главногокомандующим генералом графом Каменским был употреблен яко исправный офицер, и все делаемые поручения исполнял всегда с благоразумием и усердием, особенно ж при разбитии неприятельских войск при Батине. Во время штурма послан был в самые опасные места и хотя получил две контузии, но не переставал отправлять своей должности».

В декабре 1811 года после аудиенции у Александра I Закревский был назначен адъютантом к военному министру М. Б. Барклаю де Толли с зачислением в лейб-гвардии Преображенский полк подполковником.

В начале 1812 года Закревский производится в полковники и 21 марта назначается директором «Особенной канцелярии».

Во время боевых действий 1812 года все чиновники «Особенной канцелярии», помимо своих непосредственных обязанностей, выполняли самые разные поручения военного руководства. На этот период «Особенная канцелярия» превратилась, по существу, в часть собственной канцелярии Главнокомандующего 1-й Западной армии Барклая де Толли. До оставления Москвы Закревский возглавлял сотрудников «Особенной канцелярии» в полевых условиях. Лично отличился в сражениях под Витебском и Смоленском а также в Бородинском сражении. Его храбрость и исполнительность постоянно отмечались Барклаем де Толли.

Позже в составе Главной квартиры императора Закревский участвовал в Заграничном походе русской армии 1813–1814 годов, в частности, в сражениях под Лейпцигом, Дрезденом и Кульмом. Отличился при взятии Парижа. С 1815 года состоял при Александре I, являясь одним из его ближайших генерал-адъютантов. В декабре 1815 года назначен дежурным генералом Главного штаба, ведал делами Инспекторского департамента (личным составом армии).

В 1818 году при непосредственном участии Александра I Арсений Андреевич женился на одной из богатейших невест того времени графине Аграфене Федоровне Толстой.

В дальнейшем генерал от инфантерии Закревский командовал отдельным Финляндским корпусом, был финляндским генерал-губернатором, министром внутренних дел Российской империи. В августе 1830 года возведен в графское Великого княжества Финляндского достоинство.

С 1848 по 1859 год Закревский являлся генерал-губернатором Москвы, членом Государственного совета.

Арсений Андреевич Закревский являлся кавалером всех высших российских военных орденов, до ордена Св. апостола Андрея Первозванного включительно.

В апреле 1859 года Закревский вышел в отставку. В 1861 году уехал во Флоренцию, где провел остаток своих дней в семье дочери.

Скончался 11 января 1865 года. Похоронен в имении Голочето в Монтемурло (Италия).

Граф Павел Граббе

В список «военных агентов» Барклая де Толли одним из первых попал артиллерийский поручик Павел Граббе. В сентябре 1810 года он прибыл в Мюнхен, где состоял в скромном звании «канцелярского служителя» при русской миссии «с ношением употребительного мундира».

По утверждению упоминавшегося выше историка российской военной разведки Михаила Алексеева, Павла Граббе «можно рассматривать как первого военного разведчика, действовавшего под официальным прикрытием гражданской должности в российском посольстве за рубежом».

Внук шведского дворянина, еще в XVIII веке перешедшего на российскую службу, граф Павел Христофорович Граббе родился 2 декабря 1789 года в имении Кексгольм (ныне – Приозерск), что на Ладожском озере.

Граф Павел Христофорович Граббе

Отец Павла, отставной подпоручик Сибирского гренадерского полка, служил «на гражданском месте» в чине титулярного советника.

Четырех лет от роду Павел был увезен в Санкт-Петербург, в дом своего отчима инженер-генерала Степана Мигулина.

В 1794 году Граббе был определен в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, размещенный в Санкт-Петербурге, который успешно окончил в сентябре 1805 года. На службу направлен подпоручиком артиллерии во 2-й артиллерийский полк. Однако полк к тому времени вместе с другими подразделениями русской армии уже отправился в поход в Моравию. Нагнав полк в Варшаве, Граббе совершил с ним трудный переход по Венгрии.

Несмотря на довольно юный возраст, в декабре 1806 года Граббе впервые участвовал в сражении при Голымине. В январе 1807 года – в сражении при Прейсиш-Эйлау. За храбрость, проявленную в этих сражениях, был награжден Золотым крестом «За победу при Прейсиш-Эйлау» и орденом Св. Анны 3-й степени на шпагу. В 1808 году, командуя ротой Владимирского полка, Граббе принимал активное участие практически во всех боевых действиях русской армии в этой кампании.

После заключения Тильзитского мира Граббе продолжил службу в составе 27-й артиллерийской бригады русской армии, расположенной в Польше на границе с Австрией. Был произведен в поручики. Находясь в Кракове, состоял адъютантом генерала Ермолова.

В сентябре 1810 года Павел Граббе был командирован Барклаем де Толли на разведывательную работу в Мюнхен (Баварское королевство).

Согласно некоторым документам, сохранившимся до наших дней, командировка Граббе за границу являлась весьма успешной. В частности, ему удалось завязать тесные контакты с видными немецкими учеными того времени от которых поступала интересная информация. С одним из них – бароном Шеллингом – отношения сохранил и в дальнейшем.

В описании Граббе современниками на тот период отмечалось, что он был «высокого роста, стройный, самой нарядной наружности, от природы наделенный пышным красноречием, в обществе смелый до дерзости... Дар красноречия у Граббе был развит до высшей степени. Прекрасное его лицо оживлялось, синие глаза блестели, благозвучный голос принимал прекрасную интонацию, а слушатель просто очаровывался».

В начале 1812 года Граббе был вызван в Санкт-Петербург, где получил предписание отправляться в Вильно, где тогда располагалась главная квартира военного министра Барклая де Толли, адъютантом которого он был назначен.

Незадолго до начала военных действий с французами Барклай де Толли направил Граббе в качестве парламентаря во французскую армию. При этом перед ним были поставлены конкретные разведывательные задачи. Граббе блестяще справился с поручением. По просьбе военного министра о результатах своих наблюдений он доложил лично Александру I.

В период Отечественной войны 1812 года Павел Граббе являлся адъютантом при командующем 1-й Западной армией М. Б. Барклае де Толли с зачислением в лейб-гвардии Конную артиллерию. Принимал непосредственное участие в боевых действиях.

Так, 6 августа 1812 года, когда положение подразделений русской армии оказалось весьма критическим, благодаря беспорядочному отступлению и напору французских войск, Граббе сумел восстановить порядок на одном из участков фронта, собрал вокруг себя большое количество солдат и двинулся с ними навстречу неприятельской колонне. Встав на ее пути, он сумел прикрыть отступление русских войск. Действия Граббе были отмечены орденом Св. Георгия 4-й степени.

В дальнейшем участвовал практически во всех значительных сражениях Отечественной войны: при Витебске, Смоленске, Бородино, Татутино, Малоярославце, Вязьме, Красном.

В ходе бегства Наполеона и его войска Граббе был откомандирован в партизанский отряд Вальмодена с которым совершал нападения на отступающие разрозненные части французской армии. В дальнейшем являлся участником Заграничного похода русской армии во Францию в 1813–1814 годах. В этот же период получил чин капитана.

По возвращении на родину в 1815 году Граббе был произведен в полковники и назначен командиром Лубенского гусарского полка, расквартированного в Ярославле. К этому времени относится его знакомство с будущими декабристами. Полковник принимал участие в ряде их совещаний. Однако выступал против силовых действий, и в заговоре 14 декабря 1825 года участвовать отказался. Тем не менее Граббе был арестован по делу декабристов, четыре месяца провел в тюрьме, но осужден не был, а отправлен в отставку.

В 1827 году, с началом Турецкой кампании, Граббе был восстановлен в армии и принимал участие во всех значительных сражениях, командуя авангардом и кавалерией русских войск. За мужество и умелое командование войсками в 1829 году он был произведен в генерал-майоры.

Генерал от инфантерии К. Ф. Толь так писал о генерале Граббе в 1831 году: «Весьма образованный генерал, благоразумен в действиях своих, блистательной храбрости, холоден в действии против неприятеля и потому весьма распорядителен среди самой большой опасности. Знает употребление всех родов войск и повсюду подает пример собой».

В дальнейшем граф Граббе сделал блестящую карьеру. В 1855 году ему было присвоено звание генерала от кавалерии. В 1862–1866 годах он являлся наказным атаманом Войска Донского. Именно при управлении Граббе Областью войска Донского служба казаков была сокращена с 25 до 15 лет. С 1866 по 1875 год он состоял членом Государственного совета Российской империи.

Павел Граббе являлся кавалером тринадцати высших российских военных орденов, четырех иностранных орденов, а также двух золотых шпаг с алмазами «За храбрость».

Скончался Павел Христофорович Граббе 15 июля 1875 года в своем имении в селе Болотница Прилукского уезда Полтавской губернии (позже – Черниговская область, Талаевский район, село Грабщина).

Роберт Ренни

В сентябре 1810 года в Берлин к российскому послу генерал-лейтенанту Христофору Андреевичу Ливену в качестве адъютанта был направлен подполковник Роберт Егорович Ренни.

Потомок дворян шотландского происхождения, перебравшихся в Россию, Роберт (Роман) Ренни родился 12 апреля 1768 года в Риге в семье крупного оптового торговца.

Роберт Егорович Ренни

Окончил рижский лицей. На военной службе с 1794 года. В звании поручика в составе Елецкого пехотного полка в ходе польской кампании 1794 года воевал с конфедератами в Курляндии. За храбрость получил звание капитана. Затем занимался топографической съемкой территории Литвы и вопросами установления границы между Россией и Пруссией на участке от Полангена до Юрбурга.

В чине майора Ренни участвовал в голландской экспедиции 1799 года в составе русского корпуса, назначенного действовать вместе с англичанами.

В период Русско-французской войны 1805–1807 годов Ренни, произведенный в подполковники, в составе корпуса генерала графа Толстого находился в Пруссии. Участвовал практически во всех основных сражениях. Особо отличился в битве при Прейсиш-Эйлау: во время прорыва неприятельской кавалерии в центр позиций корпуса он организовал пере-

группировку подразделений и контратакой ликвидировал прорыв. Его действия были отмечены орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

После заключения Тильзитского мира Ренни занимался нанесением на карту и обозначением на местности границ между Россией и Великим Герцогством Варшавским. Позже руководил составлением подробной карты Белостокской области, отошедшей к России по Тильзитскому договору. В декабре 1808 года карта была доложена лично императору Александру I, который, в свою очередь, наградил Ренни чином полковника.

Журналист Александр Обухов в газете «Секретные материалы» (июнь 2012 года) подчеркивал: «В те времена картография очень тесно соприкасалась с разведкой. Умение читать, запоминать, а тем более составлять карты было одним из главных навыков разведчика... Все это, в конечном итоге, и сыграло свою роль при привлечении Роберта Ренни к военной разведывательной службе, созданной накануне Отечественной войны 1812 года. Ведь подготовку к войне с Россией Наполеон начал сразу же после заключения Тильзитского мира».

В сентябре 1810 года Роберт Ренни был командирован на разведывательную работу в Берлин. При этом особо учитывалось, что он характеризовался непосредственным начальством как «отлично образованный и относящийся к числу наиболее храбрых, распорядительных и точных высших штабных чинов».

В период нахождения в Берлине Ренни принимал активное участие в сборе топографических карт и документов военного характера. Вел постоянную и весьма успешную работу по организации и активизации антифранцузских сил в Пруссии. За ценные разведывательные сведения, регулярно направлявшиеся из Берлина руководству в Центр, полковник Ренни был награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

В конце 1811 года Роберт Ренни возвратился в Россию (в Берлине его сменил, упоминавшийся выше, поручик Григорий Орлов) и подал прошение об отставке по состоянию здоровья. Однако государь, «убежденный в его достоинствах, не пожелал лишиться столь полезного для службы офицера» и отставку не принял.

В период Отечественной войны 1812 года Роберт Ренни являлся генерал-квартирмейстером 3-й Западной армии. В 1813 году ему было присвоено звание генерал-майора.

В 1816 году Роберт Ренни вышел в отставку. Его ратная служба была отмечена семью русскими военными орденами, четырьмя иностранными орденами, а также золотой шпагой с алмазами «За храбрость».

Российский военный историк Александр Михайловский-Данилевский, являвшийся участником Отечественной войны 1812 года и лично знавший Роберта Ренни, в одной из своих работ писал:

«Получив в молодости весьма хорошее образование, Ренни знал основательно языки русский, немецкий, французский и английский. Он был среднего роста, нрава вспыльчивого, но доброго, веселого и откровенного, любил общество, особенно бывших своих сослуживцев, и находил большое удовольствие в воспоминаниях о своей походной жизни».

Скончался генерал-майор Роберт Егорович Ренни 26 сентября 1832 года.

Барон Тейль ван Сераскеркен

В числе первых к работе в российской агентурной военной разведке был привлечен полковник Федор Васильевич Тейль ван Сераскеркен.

Голландец по происхождению барон Тейль ван Сераскеркен родился в 1772 году в старинной, но обедневшей дворянской семье.

Барон Федор Васильевич Тейль ван Сераскеркен

Служил в голландской армии. В 1803 году из капитанов голландской службы был принят тем же чином в русскую армию. Зачислен в Свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части.

В 1805 году принимал участие в экспедиции на остров Корфу. За заслуги, проявленные в экспедиции, был произведен в майоры. В 1807 году воевал с французами в Пруссии в казачьем отряде генерала Платова. Во время войны со шведами занимал различные штабные должности, в сражении при Идельсальми был ранен. За отличия произведен в подполковники (1808 год) и в полковники (1809 год).

В 1810 году Тейль ван Сераскеркен был командирован на разведывательную работу в Вену в качестве адъютанта при российском посланнике генерал-лейтенанте Павле Андреевиче Шувалове с конкретным заданием: организовать разведывательную работу и добывать необходимые сведения о передвижении и численности наполеоновских войск и их вооружении.

Разведчик сумел наладить получение важной стратегической информации о французской армии. На регулярной основе он направлял в Центр ценные сведения военного характера. В своих донесениях командованию Тейль ван Сераскеркен, в частности, настойчиво рекомендовал «в случае нападения Франции на Россию вести длительную и упорную войну, отступать, избегать генерального сражения, действовать отрядами легкой конницы в тылу противника, стараться затянуть военные действия до зимы».

В период Отечественной войны Тейль ван Сераскеркен являлся квартирмейстером 3-й Западной армии. Позже принимал непосредственное участие в войне шестой коалиции. В мае 1813 года «в награду заслуг, оказанных в разных сражениях», произведен в генерал-майоры.

С мая 1814 года генерал-майор Тейль ван Сераскеркен служил России на дипломатическом поприще: работал в русских дипломатических миссиях при Неаполитанском дворе и при Ватикане, а также являлся посланником в Вашингтоне и в Рио-де-Жанейро.

Скончался Федор Васильевич 27 июня 1826 года в Утрехте, Нидерланды.

Петр Чуйкевич

В этой небольшой главе хотелось бы также рассказать о сотруднике центрального аппарата разведки, военном писателе подполковнике квартирмейстерской части Петре Андреевиче Чуйкевиче.

Петр Чуйкевич родился в 1783 году. Происходил из дворян Полтавской губернии. После окончания Сухопутного шляхетского кадетского корпуса в 1804 году служил командиром взвода Кронштадтского гарнизонного полка, а также состоял в Свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. Участник военных кампаний против французов (1807 год) и турок (1807—1809-е годы).

Петр Андреевич Чуйкевич

Являясь одним из образованнейших офицеров русской армии, Чуйкевич в 1810 году занял пост сотрудника-аналитика центрального аппарата «Экспедиции секретных дел». Однако фактически он исполнял обязанности заместителя директора военной разведки и контрразведки. По долгу службы Чуйкевич занимался обобщением и анализом всей поступающей разведывательной информации. Кроме того в его обязанности входило направление агентуры за границу, подготовка аналитических записок, рассылка маршрутов для передвижения воинским частям на западной границе, составление списков лиц, подозреваемых в

шпионаже. С целью инструктажа зарубежной агентуры выезжал в спецкомандировки в ряд европейских стран.

В начале января 1812 года Чуйкевич составил «дислокационную карту» наполеоновских сил, которая постоянно обновлялась за счет сведений, поступающих от военных разведчиков. По этой карте военный министр и император Александр I следили за передвижениями французских корпусов.

Здесь следует также отметить, что «военные агенты» Барклая де Толли называли и точную цифру воинского контингента первого эшелона, с которым Наполеон намеревался перейти границу, – 450 тысяч человек.

В апреле 1812 года Чуйкевич сформулировал в письменном виде итоговые рекомендации для ведения войны против Наполеона: предложил отступать вглубь страны и затягивать военные действия из-за численного превосходства армии противника.

Упомянувшийся выше журналист Александр Обухов по этому поводу, в частности, писал: «Еще до начала военных действий Чуйкевич подал Барклаю де Толли записку, выводы которой базировались на донесениях все тех же “военных агентов”. В записке говорилось: “Уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускание до фуражировки и решительность в продолжении войны: для французов утомительные и союзников их неприемлемые”».

Вот так информация агентов русской военной разведки легла в основу тактики и стратегии ведения войны, которой сначала придерживался Барклай де Толли, а затем и Кутузов».

И неудивительно, что Наполеон, главной целью которого, по данным «военных агентов», являлся разгром русских армий превосходящими силами в самом начале кампании, перейдя границу, не встретил никаких русских воинских частей на всем протяжении от Немана до Двины. Данное обстоятельство привело его в подлинное смятение.

В апреле – июне 1812 года Петр Чуйкевич находился в командировке в Пруссии с военно-дипломатической миссией, которую активно использовал в разведывательных целях. Полученные им сведения относительно намерений французского военного руководства подтвердили справедливость сделанных ранее разведкой рекомендаций по поводу ведения военных действий против Наполеона.

С началом военных действий Петр Чуйкевич принял участие в рейде первого партизанского отряда под командованием Фердинанда Винценгероде. В июле 1812 года назначен обер-квартирмейстером в корпус Матвея Платова. Командуя казачьими частями, Чуйкевич участвовал в арьергардных боях. За Бородино был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. За боевые отличия в августе 1812 года по представлениям Платова и Барклая де Толли получил чин полковника.

С января 1813 по декабрь 1815 года Петр Андреевич Чуйкевич являлся директором «Особенной канцелярии». Затем вышел в отставку по состоянию здоровья.

В 1821 году был вновь призван на службу и по 1829 год находился «по особенному поручению» на разведывательной работе в Лайбахе (Любляне). В 1823 году произведен в генерал-майоры.

В 1829–1831 годах являлся начальником штаба Отдельного Оренбургского корпуса.

Скончался 17 августа 1831 года в Оренбургской губернии.

Петр Чуйкевич являлся переводчиком с французского языка, писателем, автором многих военно-исторических трудов, одним из первых историков Отечественной войны 1812 года.

Виктор Прендель

Помимо указанных выше офицеров активно действовали за рубежом накануне Отечественной войны и ряд других военных разведчиков.

Так, «военным агентом» в Саксонии (Дрезден), где российское посольство возглавлял генерал-лейтенант Василий Васильевич Ханыков, стал 46-летний тиролец, самый старший из отправленных за границу с разведывательными целями офицер, майор Харьковского драгунского полка Виктор Антонович Прендель, происходивший из австрийских дворян.

Виктор Прендель, происходивший из тирольских дворян, родился в 1766 году в Силурне (Тироль). Образование получил в коллегиуме братства Св. Бенедикта. Проявил выдающиеся способности в изучении иностранных языков. В дальнейшем основательно знал латинский, французский, немецкий, итальянский, венгерский, русский, польский и английский языки. Позже сдал университетский экзамен в Турине.

Виктор Антонович Прендель

В шестнадцать лет Прендель приехал в Венецию, где стал служить в коммерческом доме крупного банкира. Некоторое время спустя был отправлен путешествовать по Европе с сыном банкира.

Разъезжая в течение нескольких лет по континентальной Европе и по Англии, Прендель приобрел навыки быстро сближаться с людьми, хорошо изучил быт и нравы разных народов, завел многочисленные знакомства и дружеские связи в различных слоях общества, которые впоследствии активно использовал на разведывательной работе.

Вернувшись в Венецию, Прендель отказался от коммерческой деятельности и поступил волонтером в тирольские стрелки. Под знаменами Австрии он прослужил 17 лет, получив чин офицера.

В одну из кампаний на Рейне, командуя австрийским разъездом, Прендель натолкнулся на значительное по численности подразделение французов, был тяжело ранен в голову и взят в плен. Содержался в тюрьме в Париже, а затем – в Лионе.

«За активную вооруженную борьбу против Французской революции» Прендель был приговорен Конвентом к гильотинированию, но ему удалось бежать из тюрьмы.

В 1799 году сражался под руководством А. В. Суворова, командовал казачьим летучим отрядом. Последнее окончательно определило его дальнейшую судьбу.

В октябре 1804 года Прендель перешел на русскую военную службу и был принят в Черниговский драгунский полк штабс-капитаном.

В 1805 году назначен для особых поручений к М. И. Голенищеву-Кутузову. Принимал участие в ряде сражений, отмечен несколькими боевыми орденами. Неоднократно выполнял военно-дипломатические и секретные поручения русского командования. Активно использовался для выполнения секретных заданий М. И. Кутузовым, рядом других генералов, а также самим российским императором.

В 1810 году назначен адъютантом посла «генеральского звания» в Дрезден (Саксония). В письме к русскому посланнику в Саксонии Барклай де Толли дал Виктору Антоновичу следующую характеристику: «Я рекомендую... майора Пренделя как надежного, опытного и усердного чиновника. На которого положиться можно. Он от многих наших генералов употреблен был с похвалой».

В 1811–1812 годах Виктор Прендель совершил ряд поездок по странам Европы для сбора сведений о переброске французских войск к русским границам. Направлял в Центр важную военно-стратегическую информацию.

В период Отечественной войны командовал отрядом партизан. Участник Заграничного похода 1813–1814 годов.

В мае 1815 года был назначен военным комендантом Лейпцига. Позже состоял для особых поручений при главнокомандующем 1-й армией (Киев) графе Остен-Сакене.

В 1831 году Прендель был произведен в генерал-майоры и направлен на разведывательную работу в Галицию, где «с большим успехом исполнял возложенное на него поручение».

В июле 1835 года вышел в отставку.

Скончался Виктор Антонович 29 октября 1852 года в Киеве.

Светлейший князь Александр Чернышов

Как мы видим, первые «военные дипломаты» получили прекрасное воспитание и образование, знали иностранные языки, до Отечественной войны 1812 года являлись активными участниками различных военных кампаний. Все они были отнесены к «числу храбрых, распорядительных и точных высших штабных чинов».

И все-таки наиболее удачливым и активным российским разведчиком рассматриваемого нами предвоенного периода можно считать полковника Александра Ивановича Чернышева.

С 1809 по 1812 год он выполнял важные дипломатические поручения во Франции и Швеции, состоял «адъютантом Александра I при Наполеоне» (личным представителем российского императора в военной ставке Наполеона во время боевых действий французской армии против Австрии и Пруссии). С 1810 года Чернышев постоянно находился при дворе французского императора. Именно от него из Парижа поступали в Центр наиболее важные и ценные сведения.

Светлейший князь Александр Чернышев родился 30 декабря 1785 года в Москве в семье сенатора, генерал-поручика, правителя костромского наместничества, являвшегося представителем старинного дворянского рода, известного с конца XV века. По существовавшему тогда обычаю Александр с рождения был записан на военную службу вахмистром в лейб-гвардии Конный полк. Получил домашнее образование под руководством аббата Перрена. С 1801 года – камер-паж, затем произведен в корнеты Кавалергардского полка. В июне 1804 года назначен адъютантом к командиру полка генерал-адъютанту Ф. П. Уварову. В ноябре 1806 года произведен в штабс-ротмистры. За храбрость, проявленную в ряде сражений, удостоен золотой шпаги с надписью: «За храбрость», ордена Св. Георгия 4-й степени и креста Св. Владимира 4-й степени с бантом. В феврале 1808 года боевой офицер Александр Чернышев был направлен в Париж.

Светлейший князь Александр Иванович Чернышев

Имя Чернышева в то время часто появлялось в разделах светской хроники и местных сплетен парижских газет. Рослый красавец с непокорной вьющейся шевелюрой, прекрасный рассказчик и остро слов, он неизменно становился душою любого общества, особенно того, где были прекрасные дамы. В великосветских салонах неизменно бытовало представление о посланце российского царя как о жуире и удачливом покорителе женских сердец.

Но это была лишь театральная маска. Репутация легкомысленного повесы служила прекрасной ширмой для ловкого и умного царского посланца, которому всегда удавалось получать важную информацию о политических и военных планах Наполеона накануне франко-русского военного конфликта 1812 года.

Прибыв на разведывательную работу в Париж, Чернышев быстро вошел в доверие к императору Франции, установил добрые отношения со многими приближенными Наполеона. За короткий срок русскому полковнику удалось приобрести информаторов в правительственной и военной сферах французской столицы, наладить и расширить сеть ценной агентуры и надежных доверительных связей.

Так, сотрудник военного министерства агент «Мишель», входивший в небольшую группу французских чиновников, составлявших раз в две недели лично Наполеону в единственном экземпляре секретную сводку относительно численности и дислокации французских войск, на постоянной основе передавал Чернышеву копию этого документа, которая, в свою очередь, срочно отправлялась в Петербург. Случалось, что копия донесения ложилась

на стол русского «военного агента» раньше, чем оригинал попадал к императору Наполеону. И таких примеров можно привести много.

Российский император высоко ценил своего представителя во Франции и передаваемую им информацию. Однажды на полях одного из донесений Чернышева он даже написал: «Зачем не имею я побольше министров, подобных этому молодому человеку». Полковнику Чернышеву шел в то время только двадцать шестой год.

В период Отечественной войны Александр Чернышев являлся командиром партизанского отряда. Опыт разведывательной работы в Париже и профессиональное разведывательное чутье оченьгодились ему в организации партизанского движения в районах, оккупированных наполеоновскими войсками. В ноябре 1812 года «за успешные действия по возлагаемым на него поручениям и благоразумное исполнение отважной экспедиции» Чернышев был произведен в генерал-майоры и пожалован в генерал-адъютанты. С 1827 года – генерал от кавалерии. В 1832–1852 годах являлся военным министром. С 1848 по 1856 год занимал пост председателя Государственного совета.

Невидимый фронт Первой мировой войны

Разведка – это необходимое звено государственного механизма, решающее целый ряд важнейших задач. Ни одно более или менее крупное, а тем более – великое государство не способно и не может обойтись без нее.

Особенно важна разведка накануне и в периоды мировых катаклизмов, одним из которых являлась Первая мировая война 1914–1918 годов. В конечном счете в войну было вовлечено 38 государств, в которых проживало 1,5 миллиарда человек, что составляло на то время 87 процентов населения земного шара.

Подготовка к Первой мировой войне шла заблаговременно и, естественно, не проходила мимо внимания российских разведчиков, действовавших за границей.

В то же время, отсутствие в начале XX века в России единого центра, объединявшего различные виды разведки, вызывало большую озабоченность у военного руководства страны. Его беспокоило также, что сбором информации бессистемно занимались военные, дипломатические, промышленные, финансовые, торговые и другие ведомства.

В этой связи в канун Первой мировой войны в российской военной разведке были проведены существенные преобразования. Из состава Главного штаба – высшего органа военного управления России – было выделено Главное управление (ГУ) Генерального штаба (ГШ), в котором было сосредоточено руководство военной разведкой.

Несмотря на то что разведкой за рубежом по-прежнему в той или иной степени продолжали заниматься министерства иностранных дел, финансов, промышленности, именно разведка Генерального штаба являлась центральной, наиболее профессионально подготовленной структурой в системе внешних спецслужб Российской империи до октября 1917 года.

Приоритетная задача, которая была поставлена в канун неизбежной войны перед военной разведкой, заключалась в создании в странах будущего противника эффективной агентурной сети, способной получать необходимую информацию по ключевым проблемам. И такой агентурный аппарат был создан как в Германии и Австро-Венгрии, так и на Востоке (Китай, Корея, Монголия). Вместе с тем приобретение источников осуществлялось главным образом путем работы с доброжелателями, предлагавшими свои услуги. Штабы военных округов располагали своими источниками.

Первая мировая война внесла в работу российской военной разведки необходимые коррективы. В действующую армию была переведена значительная часть офицеров ее центрального аппарата, что способствовало активизации оперативной агентурной разведки штабами фронтов (приграничных военных округов) и отдельных армий.

Однако война выявила и существенные недостатки в разведывательной работе. Даже к концу войны так и не удалось создать какого-либо центра, объединяющего различные виды разведки. Ни в одном из генеральных штабов стран Антанты даже к окончанию войны не было четко сформулировано само понятие «стратегическая разведка», не был определен комплекс военных, политических и экономических проблем, подлежащих изучению.

По-прежнему сбором информации за рубежом в той или иной степени занимались российские министерства финансов, торговли и промышленности. Они, как правило, имели свою собственную сеть информаторов, но она была узко нацелена на сбор сведений только финансового, коммерческого или экономического характера преимущественно через открытую и закрытую специальную литературу.

Необходимая реорганизация российской разведки затянулась до лета 1917 года, когда было принято окончательное решение передать всю заграничную сеть источников в ведение отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. Эта работа была завершена лишь к августу 1917 года.

Первая мировая война завершилась в условиях неслыханных политических и социальных потрясений, приведших к двум революциям в России, к волнениям и революционным событиям в Германии и Венгрии, к изменению политической карты мира.

Размах и сложность этих явлений, а также кризисных событий в России, охвативших практически все слои общества, не могут не приниматься во внимание при оценке действий русской разведки в этот сложный переломный период. Тем не менее они не способны заслонить главного вывода – в годы Первой мировой войны русская разведка в основном справилась с решением стоявших перед нею задач. Сформировавшись в ходе войны к концу лета 1917 года в действенный инструмент государственного механизма, она, однако, не успела в полной мере реализовать свои возможности. Наступала новая эпоха, происходила смена строя, институтов государства, такие изменения, которые потребовали и принципиально новых разведывательных и контрразведывательных механизмов, отвечающих современным условиям.

Артур Рафалович

В конце XIX – начале XX века в практике международных связей России было распространено своеобразное явление: активные попытки самостоятельного «выхода» за границу отдельных министерств и ведомств в виде постоянных представителей или представительств, главная цель которых состояла в том, чтобы вести собственную разведку.

Так, продолжительное время представителем российского Министерства финансов в Париже официально являлся действительный статский советник Артур Рафалович – крупный делец, банковский воротила и одновременно... негласный «агент влияния».

Артур Рафалович родился 23 июня 1853 года в Одессе в еврейской купеческой семье. С раннего детства проживал постоянно за границей. Занимался, главным образом, изучением финансовых вопросов, связанных с Россией.

Артур Германович Рафалович

В парижских газетах регулярно публиковал обзоры мирового финансового рынка. Издавал ежегодник «Финансовая биржа». Своими статьями, написанными на французском

языке, активно содействовал распространению за границей благоприятного представления не только о российских финансах, но и о торгово-промышленной деятельности страны.

Российский военный агент во Франции того периода граф Алексей Игнатьев в своей книге «Пятьдесят лет в строю», в частности, отмечал: «Кто же в Париже не знал Артура Рафаловича – этого авторитетного русского финансиста, доктора наук французского университета, русского финансового агента».

С помощью зарубежной агентуры и прямого подкупа французской прессы, депутатов парламента и государственных чиновников он способствовал принятию правительством Франции крупных политических и экономических решений в пользу России.

В документах внешней разведки, касающихся того периода, в частности, подчеркивается: «Рафалович приобрел множество платных агентов из числа иностранных журналистов, аккредитованных в Париже, которые использовались им в качестве “литературных толкачей” в пользу предоставления бесперебойных займов России, а также для снятия у французов подозрений относительно безопасности их капиталов». Иными словами, имея «своих людей» практически во всех крупнейших печатных изданиях Франции и среди иностранных журналистов, он активно использовал их для организации публикаций в поддержку выделения России крупных кредитов на максимально выгодных для нее условиях.

В «Очерках истории российской внешней разведки» по этому поводу отмечается: «Доброе расположение французской прессы к российскому представителю Министерства финансов обходилось Рафаловичу в кругленькую сумму – в 200 тысяч золотых франков ежемесячно. Россия же получала на этом миллионы. Известно, например, что свыше четверти всех французских внешних кредитов приходилось тогда на Россию».

Обширные связи Рафаловича во французской печати и среди иностранных журналистов позволяли ему иногда вторгаться и в чисто политические дела. Так, министр иностранных дел России граф В. Н. Ламздорф в своих дневниках, опубликованных в наше время, приводит дословный текст телеграммы Рафаловича в его ведомство, в которой коммерческий агент Министерства финансов выступает с контрпропагандистскими предложениями политического характера: «Французское национальное агентство распространило мнимую депешу из Рима, тревожную по содержанию и касающуюся позиции России в восточном вопросе (речь шла о возможных совместных акциях Англии, Франции и России в поддержку Турции. – *Авт.*) Не было бы полезным для успокоения публики сделать заявление относительно ориентации нашей политики?»

Можно без преувеличения сказать, что Артур Рафалович, бесспорно, представлял собой заметную фигуру в политической жизни страны пребывания, совмещая в одном лице и бизнесмена, и финансиста, и разведчика.

Артур Рафалович имел ряд царских наград, в том числе один из высших русских орденов – Белого Орла. Он являлся членом-корреспондентом Французской академии наук и кавалером ордена Почетного легиона.

Скончался Артур Германович в Париже 23 декабря 1921 года.

Петр Рачковский

Петр Иванович Рачковский в 1885–1902 годах руководил во Франции и Швейцарии заграничной агентурной сетью царского Департамента полиции, официально числясь советником российского посольства в Париже.

По мнению французской контрразведки, Рачковский был «самым влиятельным профессиональным разведчиком во Франции за всю историю царской России».

Он родился в 1851 году в Дубоссарах в семье потомственного дворянина, почтмейстера Дубоссарского уезда Херсонской губернии. Получил домашнее образование. В 1867 году в возрасте 16 лет поступил на службу в Киевскую губернскую почтовую контору. Через год был переведен на работу в пограничную почтовую контору в Одессе. Затем работал в канцеляриях одесского градоначальника и ряда губернаторов.

Советник российского посольства в Париже Петр Иванович Рачковский

В 1881 году Рачковский поступил на службу в Министерство внутренних дел и был откомандирован в распоряжение отдельного корпуса жандармерии. Весной 1884 года направлен в Париж для заведования заграничной агентурой Департамента полиции.

В «Очерках истории российской внешней разведки» по данному поводу отмечается: «У Рачковского была многочисленная и хорошо организованная “команда” агентов, которые выполняли в основном роль платных помощников царской охраны. В материалах российского посольства в Париже за тот период, хранящихся сегодня в институте “Войны и мира” в Пало-Альто, Калифорния, рассказывается, например, что только за русским террористом Борисом Савинковым вело наблюдение во Франции около 100 платных агентов. Этому вполне можно поверить, если просмотреть десятки тайных фотоснимков, сделанных разными лицами, о пребывании и конспиративных встречах на французской территории этого опаснейшего врага царского самодержавия. Даже слежка за В. И. Лениным была значительно менее интенсивной».

Анализируя работу с агентурой, Петр Рачковский в докладной записке на имя директора Департамента полиции Петра Дурново, в частности, подчеркивал: «Для успешной борьбы с русскими революционерами, прежде всего, возникает вопрос о приобретении способных и убежденных внутренних агентов. Как ни трудно отыскать их, но невозможностью исполнить такую задачу в состоянии отговариваться лишь те руководители политической агентуры, которые ограничиваются одним формальным исполнением своих обязанностей, или косвенно сознающие в полной неспособности вести доверенное им дело...

У нас почти никто не склонен видеть в агенте лицо, исполняющее скромный долг перед родиной вопреки, например, французам, немцам или англичанам, которые в качестве частных лиц помогают полиции в раскрытии преступлений и публично гордятся каждым представившимся случаем, который дает им возможность исполнить эту патриотическую обязанность.

Таким образом, при беседах с новыми внутренними агентами необходимо больше всего убеждать их, что они отнюдь не презренные шпионы, а лишь сознательные сторонники правительства, которые борются с беспочвенными проходимцами, посягающими на спокойствие, честь и национальное достоинство России».

Одновременно следует подчеркнуть, что, располагая устойчивыми дружескими отношениями со многими французскими государственными деятелями и обширными связями в высших французских кругах, Рачковский получал важную информацию политического характера.

Петр Рачковский быстро добился видного положения в высшем парижском обществе. Его светская жизнь была весьма разнообразна. Утром его можно было видеть на парижской фондовой бирже, днем он встречался в ресторанах с редакторами ведущих парижских газет и журналов, вечером давал роскошные приемы на собственной вилле в Сен-Клу. Он был близко знаком со многими видными сотрудниками французской контрразведки, министрами, лидерами политических партий.

Следует подчеркнуть, что Рачковский активно работал не только по линии своего департамента. Он был опытным разведчиком и оказывал своей стране неоценимые услуги в плане укрепления русско-французских отношений. Французы доверяли Рачковскому и нередко пользовались его услугами. Так, именно ему, а не французскому послу в России маркизу де Монтебелло, была доверена организация визита министра иностранных дел Франции Теофиля Делькассэ в Петербург.

Аналогичная ситуация возникла и с тогдашним президентом Франции Лубэ. Когда последнему пришлось ехать в Лион, где, как предполагалось, на него будет совершено нападение, президент Франции доверил охрану своей личности Рачковскому и его агентуре, «полностью полагаясь на полицейский талант и организаторские способности» русского представителя.

Агентура Рачковского активно действовала не только во Франции, но и в Великобритании, Германии, Италии и Швейцарии. Так, в Швейцарии, центре российской политиче-

ской эмиграции, агентура Рачковского имела на своем содержании трех женевских полицейских, которые черпали секретную информацию для разведчика прямо из полицейских досье и строго следили за правильностью изложения разведывательных данных, добываемых для правительства Швейцарии и передаваемых России.

Одна из французских газет писала в период пребывания Рачковского в Париже об этой незаурядной личности: «Если вы встретите его в обществе, вы никогда ничего не заподозрите, поскольку ничего в его внешности не выдает его зловещей миссии. Полный, неутомный, с не сходящей с лица улыбкой... он выглядит добродушным веселым парнем – душой общества... Но на самом деле он самый искусный из агентов, работавших во всех десяти столицах Европы».

Отметим, что Рачковский был человеком больших организаторских и творческих дарований. Возвратившись в Россию в 1903 году и будучи назначенным вице-директором Департамента полиции, он создал и возглавил при Министерстве внутренних дел специальный секретный отдел для получения доступа к архивам и шифрам иностранных посольств и миссий, аккредитованных при царском дворе. В частности, он лично разработал и возглавил операцию по добыванию английских дипломатических шифров, используя для этого содействие начальника канцелярии посольства Великобритании в Санкт-Петербурге.

В 1906 году Петр Рачковский вышел в отставку. Скончался 1 ноября 1910 года в поместье Режица Витебской губернии.

Николай Батюшин

Важным источником российской военной разведки начала XX века являлся один из руководителей австро-венгерской военной разведки того периода полковник Альфред Редль, от которого на протяжении десяти лет поступала исключительно ценная военная и политическая информация.

В начале 1900-х годов тогда еще капитан Альфред Редль, являвшийся перспективным сотрудником австро-венгерского Генерального штаба, был командирован в Россию для изучения русского языка и обстановки в этой «недружественной Австро-Венгерской монархии» стране. Некоторое время он провел на стажировке в военном училище в Казани, где завел обширные связи среди местных офицеров и гражданских лиц.

Российские коллеги Редля, внимательно наблюдавшие за разведчиком, провели его тщательное изучение и собрали обширный материал, касающийся его сильных и слабых сторон, увлечений, особенностей характера.

После возвращения Редля в Вену, подробная характеристика на него была направлена руководителю российской военной разведки в Варшаве полковнику Батюшину (именно с территории Варшавского военного округа осуществлялась в то время организация разведывательной работы по Австро-Венгрии). Батюшину было рекомендовано «продолжить изучение капитана Редля с целью возможного привлечения его к сотрудничеству».

Николай Степанович Батюшин родился 10 марта 1874 года в Астраханской губернии в мещанской семье. В 1890 году с отличием окончил Астраханское реальное училище и, успешно сдав экзамены по «математическим предметам», был зачислен рядовым юнкером в одно из старейших военных учебных заведений России – Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. В 1893 году окончил училище по первому разряду и направлен подпоручиком в 4-ю Конно-артиллерийскую батарею Виленского военного округа. В 1895 году произведен в поручики.

Николай Степанович Батюшин

В 1899 году Батюшин окончил Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду. За отличную учебу был произведен в штабс-капитаны. После успешного завершения учебы в академии он был откомандирован по старому месту службы в свою часть (в Виленский военный округ), но со специальной пометкой в офицерском аттестате: «для ближайшего ознакомления со службой Генерального штаба в масштабах округа». Иными словами, молодой офицер был допущен до самых важных военных тайн округа. А уже в сентябре 1901 года приказом по Генеральному штабу Николай Батюшин был «причислен к Генеральному штабу с назначением на службу в Варшавский военный округ». Этим приказом 27-летний штабс-капитан получил направление на освоение новой для себя военной специальности – разведки. Вскоре он был произведен в капитаны.

Батюшин являлся участником Русско-японской войны. С октября 1904 года в звании подполковника он занимал должность помощника старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии.

В мае 1905 года Батюшин возвратился в штаб Варшавского военного округа и был назначен руководителем подразделения разведки и контрразведки. В этой должности он проработал до начала Первой мировой войны. В декабре 1908 года был произведен в полковники.

Позже в своей книге «Тайная военная разведка и борьба с ней» генерал-майор Батюшин напишет: «Особенную пользу принесло мне почти десятилетнее пребывание в должности начальника разведывательного отделения нашего главного военного округа – Варшавского, на долю которого приходилось две трети границы с Германией и Австро-Венгрией».

Во время Первой мировой войны Батюшин являлся начальником разведывательного отделения штаба Северо-Западного фронта. С декабря 1915 года – генерал-майор.

В связи с присвоением Н. С. Батюшину воинского звания генерал-майора хотелось бы обратить внимание читателя на следующий интересный момент. Видные российские историки отечественных спецслужб И. И. Васильев и А. А. Зданович в одной из своих работ подчеркивали: «В русской армии со времен Петра I генералы обязательно обозначались по роду войск: от инфантерии, от кавалерии, от артиллерии. В XX столетии, открывшем эпоху тотального шпионажа, который окончательно оформился в годы Первой мировой войны, впору было бы ввести генеральское звание от разведки и контрразведки или, по-нынешнему, генерала от спецслужб.

Полновесное генеральское звание за заслуги в освоении нового вида оружия, годного и для мирного, и для военного времени, в российской армии первыми получили два кадровых военных – Николай Августович Монкевиц и его тезка Николай Степанович Батюшин (а мы добавим – оба военные разведчики и контрразведчики. – *Авт.*)».

История повторяется. 10 ноября 2015 года руководителю Министерства внутренних дел Российской Федерации Владимиру Александровичу Колокольцеву Президентом России было присвоено специальное звание генерала полиции. Это звание соответствует воинскому званию генерала армии. Ранее руководитель министерства имел звание генерал-полковника полиции.

Но вернемся к Николаю Степановичу Батюшину.

Указанные выше историки отечественных спецслужб следующим образом характеризовали генерал-майора: «Он отличался исключительной работоспособностью, инициативой, системностью оперативного мышления, имел богатый кругозор специалиста, что позволяло ему принимать нешаблонные решения».

Николай Степанович Батюшин являлся кавалером шести российских орденов и трех боевых медалей.

В начале 1917 года Батюшин возглавил комиссию по борьбе со шпионажем при штабе Северного фронта. С конца 1918 года участвовал в Белом движении. После эвакуации из Крыма проживал в Белграде. Преподавал в белградском отделении Высших военных научных курсов генерала Н. Н. Головина. Во время Второй мировой войны выехал в Бельгию.

Скончался Николай Степанович 9 февраля 1957 года в доме для престарелых в небольшом бельгийском городке Брен-ле Конт и был похоронен на местном кладбище.

По инициативе руководства ФСБ России 20 октября 2004 года останки прославленного разведчика и контрразведчика генерал-майора Николая Степановича Батюшина, доставленные из Бельгии, были торжественно перезахоронены на Николо-Архангельском кладбище в Москве.

Следует подчеркнуть, что полковник Батюшин весьма успешно выполнил данное ему руководством поручение по Альфреду Редлю. Он направил в Вену одного из своих лучших специалистов по вербовке агентуры, снабдив его самыми подробными сведениями о личности и особенностях характера Альфреда Редля. Последний довольно легко согласился на тайное сотрудничество с российской разведкой. В беседе с вербовщиком он подчеркнул, что готов помогать России из личных симпатий к россиянам, среди которых «у него осталось в Казани много прекрасных и душевных друзей».

«К тому же, – пояснил Редль, – мне очень не хотелось бы, чтобы между нашими странами разгорелся огонь войны. Уж очень много жизней может поглотить это страшное пожарище».

Справедливости ради следует сказать, что и сумма денег в австрийской валюте, переданная Альфреду Редлю при первой встрече, не могла не произвести весьма сильного впечатления на молодого генштабиста.

Руководя работой с Редлем, полковник Батюшин ни на минуту не забывал о необходимости укрепления его служебного положения в Генштабе. И результаты не замедлили сказаться на служебной карьере разведчика. Уже через несколько лет, получив внеочередное звание полковника, Альфред Редль становится вторым человеком в аппарате австро-венгерской военной разведки и контрразведки.

По оценкам многих западных специалистов, полковник Редль являлся «самым важным агентом иностранной державы из всех шпионов, действовавших в Европе накануне Первой мировой войны».

Известный специалист в области тайных операций в годы Первой мировой войны англичанин Эдвин Вудхол свидетельствовал:

«Полковник Редль выдал России огромное количество копий документов, кодов, фотографий, планов, секретных приказов по армии, мобилизационных мероприятий, докладов о состоянии железных и шоссейных дорог, описаний образцов военного оборудования... Среди наиболее ценных для России материалов были австро-венгерские мобилизационные планы против России и Сербии. Они содержали полный комплекс всех возможных операций... Большое значение имело также сокрытие А. Редлем от своего Генерального штаба секретных сведений, которые поступали в Вену от австро-венгерских тайных агентов непосредственно из России».

В борьбе за новую Россию

Ни одно более или менее крупное, а тем более – великое государство не способно и не может обойтись без разведки. Это доказала история. Это доказывает и современность. Ведь основной задачей внешней разведки является добывание для высшего руководства своей страны достоверной, во многом упреждающей информации по тем вопросам, которые могли бы нанести ущерб ее интересам.

Октябрьская революция 1917 года положила начало появлению на огромной территории земного шара нового независимого государства – Советской России. Первая мировая война, крах монархии в России, неспособность Временного правительства удержать ситуацию под контролем, переход власти в руки Советов привели к тому, что в стране в результате революционного процесса распались или были разрушены старые социально-политические структуры.

Феликс Эдмундович Дзержинский

С первых своих шагов советская власть была вынуждена отражать удары внешних и внутренних врагов, отстаивать независимость и территориальную целостность нового, по существу, государства, выводить его из изоляции. Для защиты национальных интересов наряду с другими государственными органами создавались и новые спецслужбы, в том числе внешняя разведка. В соответствии с Декретом Совета народных комиссаров 20 декабря 1917 года была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете народных

комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Возглавил ее Ф. Э. Дзержинский.

Чекистам сразу же пришлось столкнуться со сложной ситуацией, угрожавшей существованию советской власти: ведущие мировые державы – Англия, Франция, Италия, Япония и США – организовали заговор против Советской России, предусмотрев, в частности, арест советского правительства и убийство В. И. Ленина. «Заговор послов» был успешно ликвидирован чекистами благодаря энергичным мерам, предпринятым Дзержинским. Затем последовали вооруженная интервенция, которую страны Антанты предприняли против своей бывшей союзницы, Гражданская война. Советская Россия сумела выстоять в этих сложных условиях, разгромить интервентов и изгнать их из страны, ослабить внутреннюю контрреволюцию.

Зарождение советской внешней разведки относится к 1918 году, когда органы ВЧК в ходе Гражданской войны и интервенции вели острую и напряженную борьбу с многочисленными врагами Советского государства. На базе армейских чрезвычайных комиссий и органов военного контроля был создан Особый отдел ВЧК. В его задачу входили борьба против контрреволюции и шпионажа в армии и на флоте, против контрреволюционных организаций, а также организация агентурной работы за границей и в оккупированных иностранными державами или занятых белогвардейцами областях молодой республики. Безусловно, эта борьба носила в основном силовой характер. Однако в ходе ее применялись и методы разведывательной деятельности (агентурное проникновение во враждебные организации, добывание информации об их планах и кадровом составе, разложение контрреволюционных структур изнутри). В 1918 году Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский издал приказ, регламентирующий деятельность закордонных агентов ВЧК и их взаимодействие с российскими дипломатическими представительствами за рубежом.

В ту пору Советская Россия имела дипломатические отношения с Турцией, а в связи с подписанием в 1920 году договоров о нормализации отношений со странами-лимитрофами (Эстония, Латвия, Литва и Финляндия) в столицах этих государств также открылись дипломатические представительства РСФСР. В них с разрешения ЦК РКП(б) создавались резидентуры внешней разведки. В их задачу входило агентурное проникновение в контрреволюционные белогвардейские организации и формирования.

Таким образом, советская внешняя разведка, созданная в недрах Особого отдела ВЧК, не имела до декабря 1920 года самостоятельного статуса и действовала внутри структур армейской контрразведки.

В то же время в Москве понимали, что решить вопросы, связанные с ведением закордонной разведки в стане противника, только путем засылки агентуры за линию фронта, было нельзя. Поэтому осенью 1920 года, проанализировав причины поражения Красной Армии в войне с панской Польшей, Политбюро ЦК РКП(б) пришло к выводу о необходимости для страны иметь надежную разведку. Было принято решение о создании самостоятельной разведывательной службы внутри органов ВЧК. Исходя из этого решения партии, 20 декабря 1920 года Ф. Э. Дзержинский подписал приказ № 169 «О создании Иностранного отдела (ИНО) ВЧК».

Этот приказ явился административно-правовым актом, оформившим создание советской внешней разведки, преемницей которой в наши дни является Служба внешней разведки Российской Федерации.

Временно исполняющим обязанности начальника Иностранного отдела ВЧК был назначен Яков Христофорович Давтян, профессиональный революционер и дипломат, ответственный сотрудник Наркомата иностранных дел. В целях конспирации он руководил разведкой под фамилией Давыдов.

Создавая внешнюю разведку молодого Советского государства, Дзержинский, разумеется, не мог опираться только на дореволюционные кадры, поскольку речь шла о политической разведке органов госбезопасности. Однако уже с середины 1920-х годов «дореволюционные специалисты», особенно знатоки восточных языков, мастера перлюстрации и изготовления документов прикрытия, стали все шире привлекаться к работе закордонной разведки ВЧК.

Следует особо подчеркнуть, что Октябрьская революция 1917 года развела офицеров и генералов старой русской армии по разные стороны баррикад. Часть из них приняла советскую власть и перешли на ее сторону. Они помогли новой власти заново сформировать армию и флот, придать их действиям эффективный характер и одержать первые победы. Были такие патриоты и среди царских профессиональных разведчиков и контрразведчиков. Оказавшись волею судьбы за пределами родины, они стали сотрудничать с внешней разведкой молодого Советского государства. Поставив на службу новой власти свои специфические знания и незаурядные способности, работая не за страх, а за совесть, помогая разоблачать заговоры, раскрывать замыслы тех, кто вынашивал планы новой интервенции, оккупации российских земель, они внесли значительный вклад в обеспечение безопасности республики Советов. Опыт работы старых кадров государственного аппарата, русской армии, контрразведки и разведки был бесценен для нового режима.

Секретный сотрудник ВЧК Алексей Филиппов

Октябрьская революция 1917 года в России принесла финскому народу независимость. В декабре 1917 года Совет народных комиссаров признал Финляндию, входившую в состав Российской империи, в качестве самостоятельного государства. 4 января 1918 года это постановление СНК было утверждено ВЦИКом РСФСР. Однако внутривнутриполитическое положение в Финляндии оставалось крайне сложным и неустойчивым. Социал-демократы и финские красногвардейцы, отстаивавшие независимость страны, стояли на позициях строгого нейтралитета, укрепления дружественных отношений с молодой республикой Советов. Им противостояли буржуазные партии, ориентировавшиеся в своих политических расчетах на Германию и Швецию. В противовес финским красногвардейцам они создали белую гвардию (шюцкор). К концу января 1918 года классовая борьба в Финляндии обострилась до предела. В стране началась гражданская война.

В этой обстановке советскому правительству были необходимы достоверные сведения о наиболее важных политических и военных событиях, происходивших в Финляндии, о возможной военной коалиции финской буржуазии с Германией и Швецией, направленной против России, и о возможном использовании немецкими военными финской территории для удара по Петрограду. Иными словами, встал вопрос о получении разведывательных данных о внутривнутриполитическом положении в Финляндии и ее роли в германских военных планах.

Серьезным фактором, напрямую затрагивавшим безопасность Советского государства, являлось и то, что в портах Финляндии продолжали базироваться корабли Балтийского флота, а в Гельсингфорсе находился высший выборный орган флота – Центробалт (Центральный комитет Балтийского флота). Не менее остро стояла проблема и с гарнизоном российских сухопутных войск в Финляндии, численность которого к тому времени составляла примерно 20 тысяч человек.

Большевистское руководство поставило перед собой трудную задачу: с наступлением весны 1918 года вывести из Финляндии, по возможности без потерь, российские армию и флот. Решить ее мог лишь человек, который до революции часто посещал Финляндию и хорошо ее знал, имел там широкие связи в правительственных кругах и среди лидеров оппозиции. Таким человеком оказался Алексей Фролович Филиппов, являвшийся секретным сотрудником при Президиуме ВЧК.

Алексей Филиппов родился в 1870 году в Могилеве в семье технического служащего женской гимназии. После окончания юридического факультета Московского университета избрал для себя литературно-издательское поприще: основал в Саранске газету «Русское слово», затем стал владельцем московского журнала «Русское обозрение». В 1912 году Филиппов переехал в Санкт-Петербург, стал издавать газету «Деньги» и обосновал собственный банкирский дом. Издательская и банковская деятельность позволили ему приобрести обширные связи среди крупных промышленников, финансистов и политиков.

Алексей Фролович Филиппов

По своим политическим взглядам Филиппов был человеком прогрессивных убеждений. Оставаясь беспартийным, он поддержал Октябрьскую революцию и сразу же встал на сторону большевиков.

Алексей Фролович был знаком с Луначарским, который, в свою очередь, представил его Дзержинскому. Именно со знакомства с Дзержинским началось сотрудничество Филиппова с ВЧК. Постепенно их служебные контакты переросли в крепкую дружбу.

Но вернемся к событиям в Финляндии. Учитывая, что Филиппов до революции много раз бывал в этой стране и имел там довольно широкий круг знакомых, Дзержинский предложил Алексею Фроловичу выехать в Финляндию под видом корреспондента одной из российских газет. Перед Филипповым были поставлены задачи чисто разведывательного характера: сбор информации о внутриполитическом положении в стране и о планах финской буржуазии и белой гвардии (шюцкора). На разведчика возлагалась также задача по «изучению настроений матросских и солдатских масс, вооруженной борьбы в Финляндии и судеб русского флота».

В литературе по истории советской внешней разведки отмечается, что это был первый вывод сотрудника ВЧК за кордон с разведывательными целями, положивший начало данному методу чекистской работы за границей. Этот факт нашел подтверждение и в архивных материалах Службы внешней разведки России.

В январе – марте 1918 года Филиппов неоднократно выезжал в Финляндию. Он проявил немало находчивости, энергии и настойчивости для выполнения разведывательного

задания. Его подробные и обстоятельные донесения всегда отличались присущей опытному журналисту наблюдательностью, политической остротой и глубоким анализом. Так, в конце января 1918 года Филиппов сообщил о предстоящем захвате немцами Аландских островов. Вскоре эти сведения подтвердились. Одновременно разведчик информировал Центр: «Германские войска планируют приступить к захвату Балтийского флота, базирующегося в финских портах. Без этого даже взятие Петрограда не даст им желанной победы. Поэтому необходимо убедить каждого из команд кораблей, находящихся в этой стране, в важности общего выступления, так как немцы боятся только флота».

Филиппов подробно изучал обстановку на флоте и в армейских гарнизонах. В одном из своих донесений он отмечал: «Положение здесь отчаянное. Команды ждут весны, чтобы уйти домой. Матросы требуют доплат, началось брожение, появляются анархисты, которые продают на месте имущество казны». Еще более тревожное положение сложилось в армейских частях. В сообщении от 23 февраля 1918 года Филиппов проинформировал ВЧК о готовящемся нападении группы финских белогвардейцев в Гельсингфорсе и в районе Выборга на российские динамитные и пороховые погреба. Он также предлагал «до ухода флота в Кронштадт развернуть вербовку на судах надежных матросов, в том числе из эстонцев и финнов». Разведчик настаивал на немедленной организации должного взаимодействия армии и флота, которое к тому времени фактически отсутствовало. По этому вопросу он много беседовал с председателем Центробалта Дыбенко. Филиппову удалось также убедить командующего Балтийским флотом адмирала Развозова поддержать большевиков.

Сохранившиеся материалы позволяют сделать вывод о том, что результатами своей разведывательной работы Филиппов полностью оправдал надежды Дзержинского. Несмотря на то, что обстановка в Финляндии менялась с калейдоскопической быстротой, Алексею Фроловичу удавалось выделить самое главное, самое актуальное и своевременно информировать о происходящих событиях Центр. Его донесения отличались четкостью и лаконичностью. В них всегда содержались конкретные предложения о мерах, которые, по мнению Филиппова, следовало предпринять, чтобы повлиять на обстановку в стране и направить ее развитие в нужное для России русло. Именно Филиппову принадлежала идея об отводе отряда российских кораблей в Кронштадт буксирами.

Алексей Фролович пользовался большим доверием у Дзержинского. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что Председатель ВЧК поручил ему изучить в Гельсингфорсе и Ревеле работу существовавших там до революции отделений контрразведки царской армии и высказать свои соображения по поводу возможного их использования в интересах ВЧК.

Безусловно, деятельность Филиппова, как одного из первых разведчиков советского периода, существенно отличалась от работы будущих профессионалов отечественных спецслужб, так как строилась преимущественно на энтузиазме, жизненном опыте и творческой импровизации исполнителя.

Его деятельности был присущ особый динамизм, непосредственное участие в срочной реализации конкретных решений руководства Чрезвычайной комиссии и собственных предложений.

В целом разведывательная работа Филиппова в Финляндии в определенной степени помогла советскому правительству при проведении важных мероприятий по Балтийскому флоту, прежде всего по перебазированию кораблей из Гельсингфорса и Ревеля в Кронштадт, получившему название Ледовый переход. В итоге операции с 17 февраля по 2 мая 1918 года в Кронштадт в сопровождении ледоколов и буксиров было перебазировано 236 кораблей, в том числе 6 линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев и миноносцев, 12 подлодок, которые послужили основой боевой мощи Балтийского флота Советской республики и сыграли большую роль в обороне Петрограда и действиях на других театрах Гражданской войны.

Информация Филиппова способствовала наведению относительного порядка в гарнизонах российских войск в Финляндии, а также недопущению вовлечения в кровавую мясорубку войны десятков тысяч разобщенных и небоеспособных солдат и матросов, содействовала возвращению этих людей на родину. А это, как говорят в разведке, – главный и конкретный результат.

В марте 1918 года Филиппов возвратился в Петроград, а затем переехал в Москву и был зачислен официальным сотрудником в штаты ВЧК. Сначала он работал в отделе по борьбе со спекуляцией и преступлениями по должности, а затем был прикомандирован к Президиуму ВЧК для выполнения личных поручений Дзержинского.

Свои обязанности сотрудника при Президиуме ВЧК Филиппов выполнял добросовестно, с присущей ему энергией. Позже он занимал руководящую должность в Секретном отделе. Одновременно был председателем Исполнительного комитета по делам духовенства России.

Скончался Алексей Фролович Филиппов в Ленинграде в середине 1950-х годов.

Штабс-капитан Алексей Луцкий

В городе Уссурийске Приморского края на памятнике-мемориале – установленном на постамент паровозе – сделана надпись: «В топке этого паровоза в мае 1920 года белогвардейцами и японскими интервентами были сожжены пламенные революционеры – борцы за власть Советов на Дальнем Востоке: Сергей Лазо, Всеволод Сибирцев и Алексей Луцкий». Имена первых двух патриотов – членов Военного совета Приморья, руководивших борьбой против японских милитаристов, думается, хорошо известны читателю. Об Алексее Николаевиче Луцком в наших средствах массовой информации рассказывалось крайне мало, на то были свои причины: люди его профессии зачастую долгое время остаются в неизвестности.

Алексей Луцкий родился 22 февраля 1883 года в городе Козлове Тамбовской губернии в семье городского нотариуса, происходившего из офицерской семьи. Прадед Алексея, А. Н. Луцкий, был сослан в Сибирь за участие в восстании декабристов. Отец умер, когда Алексею не исполнилось еще и года. На руках матери осталось несколько малолетних детей. Алексея, когда ему исполнилось восемь лет, определили в Рязанское духовное училище. Затем он учился в духовной семинарии. Однако девятнадцатилетний юноша отказался от перспективы стать священнослужителем, решил посвятить себя военной службе и надел военный мундир с погонями вольноопределяющегося. В дальнейшем вся его жизнь была связана с армией.

Алексей Николаевич Луцкий – подпоручик Несвижского гренадерского генерал-фельд-маршала князя Барклая де Толли полка

Окончив в 1904 году Тифлисское военное пехотное училище, Луцкий получил офицерский чин подпоручика с назначением в 4-й Несвижский гренадерский генерал-фельд-маршала князя Барклая де Толли полк в Москве. Вскоре он был направлен в действующую армию в Маньчжурию, где участвовал в Мукденской операции, командуя одной из рот 1-

го Восточно-Сибирского полка. В начале декабря 1905 года его переводят в 13-й Восточно-Сибирский полк, расквартированный в то время в Харбине.

В 1906 году Луцкий возвратился в Москву, в свой гренадерский полк. Осенью того же года в Козлове вступил в брак с Еленой Яковлевной Шишкиной, которая стала верной подругой и помощником в его бурной и недолгой жизни.

В октябре 1908 года Луцкий по собственной просьбе переводится командиром роты в 13-й стрелковый Восточно-Сибирский полк, в котором уже ранее служил. К тому времени полк был передислоцирован из Харбина под Читу, на станцию Песчанка.

Молодой способный боевой офицер, хорошо знавший военное дело, был вскоре переведен в штаб дивизии, в Читу. Свободный от строевой службы, он усиленно занимался вопросами тактики и стратегии войны с Японией, изучал опыт минувших военных операций и сражений, задумывался над причинами поражения русской армии. Большое внимание он уделял проблемам разведки, в которой, по его мнению, японская армия во многом превосходила русскую. Интерес Луцкого к этим вопросам, видимо, был замечен командованием. В 1912 году его откомандировали на военный факультет восточных языков при Восточном институте во Владивостоке. Луцкий становится слушателем японского отделения, изучает японский, китайский и корейский языки. Весной 1913 года командировается на два года в Японию для совершенствования языковых знаний и получения практических навыков по разведке. Помимо языковой практики Луцкий активно изучал страну, ее историю, политические ориентиры правительства. У него появились устойчивые связи в военных и политических кругах Японии, а также среди аккредитованных в Токио сотрудников иностранных посольств. Осенью 1914 года, в связи с началом Первой мировой войны, Луцкий был отозван из Японии и переведен для прохождения дальнейшей службы как специалист-разведчик в штаб Иркутского военного округа.

Штабс-капитан Луцкий был одним из немногих офицеров штаба, кто приветствовал свержение царизма. Революционные солдаты и офицеры избрали его членом, а затем председателем Совета военных депутатов Иркутского военного округа. В апреле 1917 года его назначают помощником начальника контрразведки штаба округа, а через месяц направляют в Петроград на курсы военных разведчиков. Пребывание в Петрограде имело большое значение для развития политических взглядов Луцкого.

В августе 1917 года Луцкий был командирован в Харбин, где возглавил отделение разведки и контрразведки. Он сразу же установил тесный контакт с местным Советом и близко сошелся с харбинскими большевиками.

Весь длительный и бурный период борьбы за становление советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке Луцкий занимался активной разведывательной работой. А она проходила в особо сложных условиях. Он вскрыл в Харбине контрреволюционный заговор бывшего управляющего русской администрацией, а затем – комиссара Временного правительства на КВЖД генерала Хорвата, готовившего разгон местных Советов и захват железной дороги, и проинформировал об этом советское правительство в Петрограде. Луцкому удалось также получить через агентуру и сообщить в Центр ценные сведения о продвижении к Харбину японских войск.

После подавления революционного движения на КВЖД интервентами и белогвардейцами и разгрома харбинского Совета практически вся Северная Маньчжурия превратилась в базу иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке. Луцкий перешел на нелегальное положение. Изменив свою внешность с помощью грима, с документами на чужое имя он встречался с агентурой, оставшейся в Маньчжурии, инструктировал ее, договаривался о связи. Рискуя жизнью, Луцкий продолжал вести разведку в районе Харбина и передавал информацию в Петроград.

В начале 1918 года, преодолев многие опасности, Луцкий прибыл в Иркутск. В то время в городе велась активная работа по укреплению советской власти в Сибири и созданию в регионе революционных вооруженных сил. Луцкий был назначен заместителем командующего войсками округа и одновременно начальником штаба. Параллельно с решением военных вопросов Луцкий возглавлял разведывательную работу против японцев и банд Семенова. Через внедренную в их среду агентуру он добывал важные разведывательные сведения. Опыт работы в Харбине и знание обстановки, сложившейся в Маньчжурии, способствовали качественному выполнению возложенных на него разведывательных и контрразведывательных задач. Так, Луцкий принимал непосредственное участие в ликвидации разветвленной японской агентурной группы, которой руководил консул Японии в Иркутске Сугино, а также в аресте высокопоставленного сотрудника японской разведки Муруски. Активная и успешная деятельность Луцкого по борьбе с иностранными разведками и их агентурой получила высокую оценку Центра. В частности, в телеграмме, направленной ему, указывалось: «Ваша энергичная деятельность и принятые меры против иностранцев всецело находят одобрение и решительную поддержку центрального правительства».

В связи с мятежом белочехов в июле 1918 года все советские организации были эвакуированы из Иркутска в Забайкалье. В декабре того же года прокурор иркутского окружного суда разослал во все органы колчаковской контрразведки списки активных большевиков, подлежащих немедленному аресту. В них значился и штабс-капитан Луцкий. Он вновь перешел на нелегальное положение. Работал кассиром на железной дороге и собирал разведывательные сведения относительно передвижения войск противника.

В конце 1918 года Луцкий был арестован в Благовещенске, а затем по требованию генерала Хорвата, ставшего к тому времени уполномоченным колчаковского правительства по Дальнему Востоку, доставлен в Харбин, где до февраля 1920 года находился в местной тюрьме. Однако к тому времени военное и политическое положение в Сибири и на Дальнем Востоке коренным образом изменилось. Под ударами Красной Армии, партизанских соединений и всенародного движения против иностранной военной интервенции и контрреволюции была свергнута диктатура адмирала Колчака и его ставленников. Правительства иностранных держав вынуждены были начать эвакуацию своих войск. Эти события изменили обстановку и в Харбине.

31 января 1920 года партизанские отряды вошли во Владивосток. Рабочие Харбина устроили демонстрацию и потребовали освобождения политзаключенных. Мощное выступление трудящихся города в поддержку узников харбинской тюрьмы вынудило белогвардейское командование освободить Луцкого из-под стражи в числе других заключенных. По приказу военного министра эсера Краковецкого он был отправлен во Владивосток.

В дальнейшем судьба Луцкого была связана с Дальним Востоком. В феврале 1920 года он назначается членом Военного совета Приморья и начальником разведывательной и контрразведывательной служб штаба партизанской армии. Луцкий работает в тесном контакте с Сергеем Лазо, являвшимся одним из руководителей Военного совета, занимается реорганизацией партизанских отрядов в регулярные части революционной армии, добывает исключительно важные секретные документы главнокомандующего японскими оккупационными войсками на Дальнем Востоке. Вся эта напряженная работа проводилась в исключительно сложных условиях наличия войск иностранных интервентов в данном регионе. В частности, японские войска остались в Приморье и Владивостоке и вели себя так, словно находились в оккупированной стране. Военные объекты города, железнодорожные станции Уссурийской дороги и Сучанской ветки были заняты японскими гарнизонами и караулами. Очевидно было, что японцы готовятся к серьезным действиям по оккупации всего края. На ноту с требованием о выводе японских войск из Приморья правительство Японии 30 марта

1920 года ответило, что эвакуация войск с русской территории откладывается на неопределенное время. На основании имевшихся разведданных Луцкий 1 апреля сообщил Реввоенсовету 5-й армии: «Отношения с японцами натянутые. Наша позиция твердая, спокойная. Оценка тактики японцев: более всего вероятно, что они будут создавать инциденты, давить на нас вплоть до полной оккупации ряда населенных пунктов. Но возможно мы стоим накануне открытого выступления». Анализ обстановки оказался правильным. Интервенты выступили.

В ночь с 4 на 5 апреля 1920 года японские солдаты внезапно окружили все правительственные учреждения Владивостока и, ворвавшись в здание Военного совета, арестовали находившихся там его руководителей Сергея Лазо, Всеволода Сибирцева и Алексея Луцкого.

Больше месяца их допрашивали и пытали в застенках японской военной контрразведки. Не сломив волю мужественных патриотов, японские интервенты и белоказачи атамана Бочкарева вывезли их в конце мая из Владивостока и сожгли в паровозной топке на станции Муравьев-Амурская.

Алексей Николаевич Луцкий был казнен врагами прежде всего за свою разведывательную деятельность. Вся его недолгая жизнь – это подвиг одного из первых русских советских разведчиков.

Яков Давтян (Давыдов)

Первый руководитель советской внешней разведки Яков Христофорович Давтян родился 10 октября 1888 года в селе Верхние Акулисы Нахичеванского края в семье крестьянина, занимавшегося садоводством. После смерти отца брат матери, служивший в Тифлисе, взял мальчика в свой дом на воспитание. Яков поступил в лучшую в городе 1-ю Тифлисскую гимназию. В 1905 году он вступил в партию большевиков. Вел работу в ученических и рабочих кружках, находился под негласным надзором полиции.

Яков Христофорович Давтян

В 1907 году Давтян окончил гимназию и поступил в Петербургский университет. Одновременно принимал активное участие в деятельности Петербургской организации РСДРП (б): работал в ее военной организации. В конце того же года был арестован полицией «за революционную деятельность». В мае 1908 года был выпущен из тюрьмы под залог и эмигрировал из России в Бельгию, где продолжил учебу в Политехническом университете и получил инженерное образование. Являлся членом Бельгийской социалистической партии и сотрудничал с ее печатными изданиями.

В период оккупации Бельгии Германией был арестован «за ведение антигерманской агитации» и провел восемь месяцев в одиночной камере тюрьмы города Аахен. Затем был переведен в лагерь для интернированных, находившийся на территории Германии. В августе

1918 года Давтян был освобожден немцами из лагеря и вернулся в Россию. В сентябре того же года он становится заместителем председателя Московского губсовнархоза и активно сотрудничает с газетой «Правда».

В феврале 1919 года партия направляет Давтяна в составе миссии российского Красного Креста во Францию для решения вопроса о возвращении на родину солдат и офицеров 40-тысячного Русского экспедиционного корпуса.

Возвратившись в Москву, Давтян обратился в ЦК партии с просьбой предоставить ему работу с учетом приобретенного зарубежного опыта. Он назначается на должность первого секретаря советского полпредства в Ревеле (Таллин). Затем из Ревеля его переводят в Лондон секретарем делегации Л. Б. Каменева. С октября 1920 года Яков Христофорович работает в центральном аппарате НКВД, являясь заведующим отделом Прибалтийских стран и Польши и одновременно членом коллегии наркомата.

12 ноября 1920 года по ходатайству Ф. Э. Дзержинского Оргбюро ЦК РКП(б) принимает решение «откомандировать Давтяна Я. Х. в распоряжение ВЧК», где, как предполагалось, он должен был возглавить создаваемый Иностранный отдел (внешнюю разведку).

Дело это было новое и связанное с многочисленными трудностями. Не хватало грамотных сотрудников, владевших секретами чекистского мастерства, навыками ведения разведработы за рубежом и свободно говоривших на иностранных языках. Скучным был и бюджет внешней разведки, а задачи перед ней стояли большие. К тому же первому организатору ИНО ВЧК в ту пору было всего 32 года. Поскольку Яков Христофорович числился сразу за двумя ведомствами, было решено, что в целях конспирации в ИНО ВЧК он будет работать под фамилией Давыдов.

20 декабря 1920 года подписанным Дзержинским приказом № 169 «О создании Иностранного отдела (ИНО) ВЧК» Давтян был назначен исполняющим обязанности начальника ИНО ВЧК. Он активно включился в процесс разработки Положения об Иностранном отделе ВЧК, определения его структуры и штатного состава. Но если в НКВД, где Давтян одновременно продолжал работать, он был официально утвержденным начальником отдела и членом коллегии, то его статус в ИНО в качестве исполняющего обязанности начальника был менее определенным. Однако с официальным назначением Давтяна на столь ответственный пост Дзержинский не торопился, желая, очевидно, более детально изучить его личные и деловые качества.

Подобное положение, видимо, не устраивало Давтяна. Через месяц официальной работы в качестве исполняющего обязанности руководителя внешней разведки он подает рапорт с просьбой перевести его на дипломатическую работу за рубежом и возвращается в НКВД.

Преемником Давтяна на посту начальника ИНО ВЧК 20 января 1921 года стал Рубен Павлович Катанян, являвшийся до этого заведующим агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б). Однако на посту начальника внешней разведки он проработал недолго и уже 10 апреля по собственному желанию перешел на прокурорскую работу.

10 апреля 1921 года Иностранный отдел ВЧК вновь возглавил, но теперь уже в должности официального начальника, Яков Давтян (Давыдов). Но и на этот раз он недолго руководил внешней разведкой. Уже в августе 1921 года Давтян переводится на дипломатическую работу и назначается полпредом РСФСР в Литве. Пробыв в Ковно до сентября того же года, он становится временным поверенным в делах РСФСР в Китае в ранге советника. При этом Давтян, как было оговорено ранее, одновременно утверждается главным резидентом ИНО ВЧК в Китае, где в ту пору работало около десятка разведывательных коллективов.

Яков Христофорович энергично взялся за дело. Через полгода он докладывает в Центр: «Работа здесь весьма интересная, захватывающая, но очень трудная, чрезвычайно ответ-

ственная. Отдаленность от Москвы, плохая связь, взаимное непонимание еще больше осложняют нашу работу... Я никогда (даже в ИНО) так много не работал, как здесь».

Давтяну действительно удалось активизировать работу разведки в этой стране, особенно по белой эмиграции. В частности, мукденская резидентура через свою агентуру в японских спецслужбах добыла уникальный архив белогвардейской контрразведки, касающийся всего Дальнего Востока. Исключительно высоких результатов добилась резидентура ИНО ОГПУ в Харбине. Ее сотрудниками было получено свыше двадцати японских шифров.

В годы Великой Отечественной войны из Китая в Центр поступала весьма важная политическая информация по Японии. А основы этой блестящей работы советской внешней разведки в данном регионе были заложены в ту пору, когда главным резидентом Иностранного отдела в Китае был Яков Давтян.

В начале 1925 года Давтян возвращается в Москву и в мае назначается советником полпредства СССР во Франции, которое в то время возглавлял известный революционер и активный сторонник Троцкого Христиан Раковский. В Париже Давтян принимает участие в работе различных международных конференций, неоднократно замещает полпреда, которому в Москве не очень доверяли из-за его близости к Троцкому, и по-прежнему оказывает помощь резидентуре ИНО ОГПУ.

Осенью 1927 года Давтян занимает пост полномочного представителя СССР в Персии (Иране). В 1932 году он становится полпредом СССР в Греции, а в апреле 1934 года – полпредом СССР в Польше. На VII съезде Советов СССР в 1935 году избирается членом ЦИКа СССР.

Однако близкое знакомство в период работы во Франции с одним из видных троцкистов Раковским не прошло для Давтяна даром.

21 ноября 1937 года Яков Христофорович был арестован в Москве по обвинению в принадлежности к «антисоветской террористической организации». Вскоре он был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и 28 июля 1938 года расстрелян.

25 апреля 1957 года Я. Х. Давтян был полностью реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР в связи с отсутствием состава преступления.

Имя Якова Христофоровича Давтяна (Давыдова), как одного из непосредственных организаторов внешней разведки нашей страны, занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Руководитель разведки Меер Трилиссер

В марте 1922 года пост руководителя Иностранного отдела ГПУ занял начальник ее закордонной части Михаил (Меер) Абрамович Трилиссер. В этой должности он успешно проработал до конца октября 1929 года, что в те времена было своего рода рекордом, и оставил яркий след в истории внешней разведки органов госбезопасности.

Меер Трилиссер родился 1 апреля 1883 года в Астрахани в семье мелкого ремесленника. В 10 лет его отдали в городское реальное училище, дававшее среднее образование и основы коммерческой деятельности. После его окончания 17-летний юноша в поисках лучшей доли уехал на заработки в Одессу.

Меер Абрамович Трилиссер

В 1901 году Меер вступил в члены Южной революционной группы социал-демократов. В том же году был арестован за революционную деятельность и выслан под гласный надзор полиции по месту рождения – в Астрахань, где участвовал в организации подпольной типографии, руководил рабочими кружками.

Во время революции 1905 года Трилиссер находился в Казани, где вел революционную пропаганду среди военнослужащих Казанского гарнизона. Затем по указанию ЦК пар-

тии большевиков он был направлен в Петербург и избран членом Петербургского комитета РСДРП. Одновременно работал в военном комитете ЦК РСДРП, где руководил финляндской военной организацией партии. Являлся одним из организаторов Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП в Таммерфорсе (Тампере), состоявшейся в ноябре 1906 года. Руководил восстанием военных моряков в Свеаборге.

В 1907 году Трилиссер был арестован царской полицией, помещен в Шлиссельбургскую крепость и около двух лет находился под следствием. В 1910 году приговорен к восьми годам каторжных работ. В ноябре 1914 года освобожден из заключения и отправлен на вечное поселение в Сибирь.

После Февральской революции 1917 года Трилиссер был амнистирован и переехал в Иркутск, где возглавил местную военную организацию комитета большевиков. В октябре 1917 года на 1-м Общесибирском съезде Советов Трилиссер избирается членом ВЦИКа Центросибири и одновременно становится членом губкома РСДРП(б). С победой Октябрьской революции принимает активное участие в установлении советской власти в Сибири.

С образованием в 1921 году Дальневосточной республики (ДВР) Трилиссер назначается комиссаром по Амурской области, избирается членом Дальневосточного бюро РКП(б) и входит в руководящий состав Государственной политической охраны (ГПО) ДВР, выполнявшей функции контрразведки этой буферной республики. В рамках ГПО он создает первую на советском Дальнем Востоке специальную шифровальную службу для связи с Москвой и начинает формировать разведывательный агентурный аппарат.

После изгнания интервентов с советского Дальнего Востока Трилиссер избирается секретарем Амурского обкома партии. В марте 1921 года в качестве делегата от коммунистов Забайкалья он участвует в работе X съезда РКП(б).

В последние дни работы съезда Трилиссеру предложили занять должность заведующего Дальневосточным отделом Исполкома Коминтерна. Однако проработал он на этой должности всего несколько месяцев. Уже в августе 1921 года с Трилиссером встретился Дзержинский и предложил ему перейти на работу в ВЧК, в Иностранный отдел. Трилиссер был назначен начальником закордонной части Иностранного отдела ВЧК.

Когда Трилиссер пришел в отдел, весь его состав размещался в одной большой общей комнате. Ему предстояло организовать разведывательную работу в странах Восточной и Западной Европы. В декабре 1921 года Трилиссер становится вторым лицом в Иностранном отделе – заместителем его начальника С. Г. Могилевского.

6 февраля 1922 года декретом ВЦИК РСФСР упраздняется ВЧК. На ее базе создается Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. А 13 марта Трилиссер назначается начальником Иностранного отдела ГПУ, сменив на этом посту Могилевского, возглавившего чекистов Закавказья.

С приходом Трилиссера к руководству внешней разведки начался, по сути дела, новый профессиональный период ее деятельности. Разведка стала работать в полную силу: сказывался опыт агентурной работы ее нового руководителя.

С 10 апреля по 19 мая 1922 года в Генуе состоялась международная конференция по экономическим и финансовым вопросам. В ходе конференции 16 апреля в пригороде Генуи – Рапалло представители советского правительства подписали с Германией договор об установлении дипломатических и экономических отношений.

Открытие дипломатического представительства Советской России в Берлине создало необходимые условия для организации в Германии нашей «легальной» резидентуры. Берлинская резидентура ГПУ стала важнейшей резидентурой в Европе. Через Берлин Иностранный отдел ГПУ – ОГПУ во главе с Трилиссером осуществлял руководство разведывательной работой не только в Германии, но и во Франции, Англии и на Балканах.

С целью качественного улучшения деятельности центрального аппарата разведки в новых условиях Трилиссер пригласил на работу в ИНО большую группу своих соратников по работе в военной организации партии, а также по работе на Дальнем Востоке в период Гражданской войны. Штаты внешней разведки были значительно расширены. В закордонной части ИНО стало шесть географических отделов. Работникам зарубежных резидентур ИНО была предоставлена большая свобода в вербовке агентуры. Формируя штаты ИНО, Трилиссер обращал особое внимание на профессиональную подготовку сотрудников, знание ими иностранных языков, умение работать с агентурой. Под его руководством были образованы резидентуры ИНО в Берлине, Лондоне, Париже, Вене, Риме. На Востоке – в Токио, Пекине, Харбине, Сеуле – были созданы нелегальные резидентуры. В короткое время была образована солидная агентурная сеть в кругах белоэмигрантов и в важных правительственных учреждениях ряда стран. Внешняя разведка госбезопасности приступила к добыванию научно-технической информации, необходимой для нужд обороны и народного хозяйства страны.

Будучи начальником ИНО, Трилиссер продолжал возглавлять и его закордонную часть. Он принимал непосредственное участие в оперативной деятельности отдела. Умелое руководство Трилиссером внешней разведкой принесло свои плоды. 26 марта 1926 года он становится членом коллегии – заместителем председателя ОГПУ, а с февраля 1928 года – одновременно и уполномоченным ОГПУ при Совете народных комиссаров СССР.

Это был пик разведывательной карьеры Трилиссера. Под его руководством внешняя разведка органов государственной безопасности добилась впечатляющих успехов. В частности, в 1927 году сотрудникам сеульской и харбинской резидентур практически одновременно удалось получить так называемый «меморандум Танаки» – сверхсекретное письмо премьер-министра Японии императору Хирохито, в котором были сформулированы основные направления внешней политики возглавляемого Танакой кабинета министров. Ценной агентурой располагали резидентуры ОГПУ в Берлине и Вене, на связи у которых были видные работники МИДа и МВД этих стран. Источники важной информации имелись в Финляндии. Больших успехов в разработке вооруженной белогвардейской эмиграции добились резидентуры во Франции, Болгарии, Чехословакии, Турции и Китае. Много ценной агентуры было приобретено и в других странах.

В декабре 1927 года Меер Абрамович Трилиссер был награжден орденом Красного Знамени.

В октябре 1929 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) начальник Иностранного отдела ОГПУ Трилиссер был освобожден от занимаемой должности. Причиной послужило его открытое выступление против назначения на должность первого заместителя председателя ОГПУ Генриха Ягоды. Некоторое время опытный организатор разведки находился не у дел. Наконец, в феврале 1930 года он был назначен заместителем наркома Рабоче-крестьянской инспекции.

В 1935 году Трилиссер был избран членом Президиума и кандидатом в члены Секретариата Исполкома Коммунистического Интернационала. Курировал работу по линии компартий Латвии, Литвы, Финляндии, Эстонии и Польши. Одновременно отвечал за деятельность спецслужб ИККИ и их взаимодействие с органами НКВД.

23 ноября 1938 года Меер Абрамович Трилиссер был арестован НКВД и обвинен «в принадлежности к антисоветской группе, существовавшей в ОГПУ СССР». 1 февраля 1940 года Военная коллегия Верховного суда СССР признала его виновным по всем пунктам предъявленного обвинения и приговорила к высшей мере наказания. На следующий день опытный революционер-подпольщик, разведчик и государственный деятель был расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1956 году.

Разведчик Павел Дьяконов

Мартовским вечером 1924 года в вестибюль советского полпредства на улице Гренель в Париже вошел среднего роста худощавый господин, одетый в плащ и дорогой темный костюм-тройку. Обратившись к дежурному дипломату, он попросил о немедленной встрече с советским полпредом:

– Речь идет о военном заговоре против республики Совдепов. Я – один из непосредственных участников этого заговора. Меня зовут Павел Дьяконов.

Слово «заговор» подействовало, и гостя сразу же провели в отдельный кабинет, где с ним встретился резидент ИНО ОГПУ. Он попросил Павла Павловича изложить на бумаге ставшие известными ему сведения. Через некоторое время сообщение Дьяконова с соответствующими комментариями резидента было доставлено дипкурьером в Москву.

В материале Дьяконова содержалась исключительно важная информация о программе тотального террора за пределами СССР против советских граждан и учреждений, которую намеревались осуществить боевики Русского общевоинского союза (РОВС).

Имя генерал-майора Дьяконова, бывшего российского военного атташе в Великобритании, было хорошо известно руководству внешней разведки. Поэтому в Москве к его информации отнеслись исключительно внимательно. На следующий день на стол начальника Иностранного отдела легли материалы на Дьяконова, которыми располагал Центр. В представленной ему справке, в частности, отмечалось:

«Павел Павлович Дьяконов родился 4 февраля 1878 года в Москве в семье военнослужащего. С 17 лет он связал свою жизнь с армией. После завершения в 1895 году учебы в Московской практической академии коммерческих наук он поступил вольноопределяющимся в 5-й гренадерский Киевский полк, став кадровым военным. С отличием окончил Казанское пехотное юнкерское училище, а в 1905 году – Николаевскую академию Генерального штаба. Принимал участие в Русско-японской войне.

Павел Павлович Дьяконов

До конца 1913 года Дьяконов работал на различных должностях в Главном управлении Генерального штаба. В июле 1914 года был назначен помощником военного атташе в Лондоне. При этом было учтено безупречное знание им английского, немецкого и французского языков. С началом Первой мировой войны Дьяконов подал рапорт с просьбой о переводе его в действующую армию, и в сентябре 1914 года был направлен на фронт.

В январе 1916 года полковник Дьяконов был назначен командиром 2-го Особого полка Русского экспедиционного корпуса, отправленного во Францию. Принимал активное участие в сражениях против немцев. Его боевые заслуги были отмечены семью высшими русскими и пятью иностранными орденами. За боевые заслуги в сражении на Марне он получил отличие офицера Почетного легиона, был награжден офицерским крестом Почетного легиона и двумя французскими военными крестами, что давало ему право на получение французского гражданства.

В начале 1917 года Дьяконов был переведен на работу в Генеральный штаб. По представлению начальника Генерального штаба за боевые отличия был произведен Николаем II в генерал-майоры. В сентябре того же года откомандирован в Лондон для исполнения обязанностей военного атташе в Великобритании, где оставался до 1 мая 1920 года. После закрытия аппарата русской военной миссии в Великобритании в мае 1920 года переехал на постоянное жительство во Францию.

В белогвардейском движении на территории России не участвовал. Ни он, ни члены его семьи никогда не высказывали враждебных намерений против новой власти в России...»

Последние строчки начальник ИНО подчеркнул жирной чертой, а в левом углу документа написал: «Провести с генералом Дьяконовым доверительную беседу и выяснить его дальнейшие намерения».

Резидент ИНО ОГПУ провел в Париже очередную встречу с генералом. Во время беседы Дьяконов передал разведчику план общей работы РОВС. «Террор, исключительно за границей, против советских чиновников, а также тех, кто ведет работу по развалу эмиграции, – говорилось в документе, – является приоритетным направлением деятельности организации». В Париже, Варшаве, Софии, Праге, Берлине и ряде других столиц европейских стран рекомендовалось готовить «тройки», «пятерки» и индивидуальных боевиков РОВС для убийства советских дипломатов.

Чистота помыслов генерала Дьяконова не вызывала сомнений у резидентуры. Русский патриот отдавал себе отчет в том, что реализация планов РОВС по организации нового крестового похода против большевиков, за которыми пошло абсолютное большинство русского народа, приведет к новым потокам крови на его родине. Поэтому такие планы контрреволюции не вызывали поддержки у генерала.

Так царский профессиональный разведчик Павел Дьяконов стал активно сотрудничать на патриотической основе с советской внешней разведкой. В письме на имя руководства разведки, он писал: «Настоящим я заявляю, что, будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к Советской власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней.

Желая доказать свою преданность советскому правительству, я добровольно и сознательно беру на себя обязательство своевременно его информировать о деятельности правых (антисоветских) партий и контрреволюционных групп...»

Советский разведчик Дьяконов успешно выполнял задания Центра по разложению Русского общевоинского союза, осуществлявшего подготовку и заброску на территорию СССР террористических групп. От него также поступала важная информация о деятельности кирилловских белогвардейских организаций и французской военной разведки. Дьяконов принимал непосредственное участие в проведении операции по захвату руководителя РОВС генерала Кутепова и в осуществлении ряда других оперативных комбинаций. В частности, в результате одной из таких комбинаций французскими властями был арестован адъютант великого князя Кирилла Владимировича и руководитель белогвардейской организации младороссов Казем-бек.

В начале 1930-х годов Дьяконов сообщил о том, что группа бывших царских генералов во главе с Туркулом установила связь с лидером германских нацистов Адольфом Гитлером, у которого ищет финансовой помощи и политической поддержки. Он подчеркнул, что Туркул и его сообщники имеют высокопоставленных покровителей во французском Генштабе.

По поручению Центра Дьяконов довел до сведения Второго бюро Генерального штаба французской армии (военная разведка), с представителями которого он поддерживал служебные контакты в годы Первой мировой войны, сведения о профашистски настроенных белогвардейских офицерах и генералах. Незадолго до начала Второй мировой войны французские власти, которым генерал Дьяконов предоставил соответствующие документы, выслали из Франции большую группу прогерманского крыла русской эмиграции во главе с генералом Туркулом. Высылка этих лиц ослабила «пятую колонну» фашистов во Франции.

В период гражданской войны в Испании Дьяконов неоднократно выезжал туда с исключительно важными специальными разведывательными заданиями Москвы.

После оккупации Франции фашистскими войсками Дьяконов был арестован и подвергнут допросам. Немцев в первую очередь интересовали его поездки в Испанию. На допросах он вел себя мужественно и стойко. Сорок три дня провел Павел Дьяконов в фашистском застенке.

Поскольку накануне вторжения гитлеровцев во Францию Павлу Павловичу и его дочери, которая также была арестована, было предоставлено советское гражданство и они получили советские паспорта, Народный комиссариат иностранных дел СССР потребовал от германских властей незамедлительно освободить арестованных во Франции советских граждан. Германское военное командование в Париже было вынуждено выполнить это требование.

В конце мая 1941 года Павел Павлович и его дочь Мария вернулись на родину. После начала Великой Отечественной войны некоторое время они жили в эвакуации в Ташкенте, а затем переехали в киргизский город Кара-Суу. Дьяконов работал там в райпотребсоюзе.

В ноябре 1942 года Дьяконов выехал с эшелонном в Москву, сопровождая грузы для Красной Армии. В дороге он тяжело заболел и на станции Челкар (Казахстан) был помещен в больницу, где 28 января 1943 года скончался.

Артур Артузов

В августе 1931 года на пост начальника внешней разведки органов государственной безопасности был назначен видный чекист, один из создателей советской контрразведки Артур Христианович Артузов.

Он родился 16 февраля 1891 года в имении Устиново Кашинского уезда Тверской губернии в семье швейцарского сыровара итальянского происхождения Христиана Фраучи, эмигрировавшего в Россию. Родители по протестантской традиции нарекли первенца тройным именем – Артур-Евгений-Леонард. В России второе и третье имена не были приняты, поэтому сверстники звали его просто Артуром.

Артур Христианович Артузов (Фраучи)

Мальчик был любимцем матери. Еще в детстве под ее руководством он овладел французским, немецким и польским языками. Уже взрослым самостоятельно выучил английский язык. Спустя много лет, заполняя анкету, Артур Фраучи, взявший фамилию Артузов, укажет в графе «национальность»: «Сын швейцарского эмигранта, мать латышка, проживала все время в России. Отец умер в 1923 году. Я себя считаю русским».

После окончания в 1909 году с золотой медалью Новгородской мужской гимназии Артур поступил на металлургический факультет Петербургского политехнического института. В 1917 году получил диплом инженера-металлурга с отличием и был направлен на Урал, в Нижний Тагил, в техническое бюро профессора В. Е. Грум-Гржимайло. Однако вскоре отказался от карьеры инженера-проектировщика и целиком посвятил себя политической деятельности. В декабре того же года вступил в партию большевиков.

В 1918 году Артур работал в Комиссии по установлению советской власти в северных районах страны. Принимал участие в боях с английскими интервентами под Архангельском.

С января 1919 года Артур стал работать в органах госбезопасности. Занимал последовательно должности особоуполномоченного, заведующего оперативным отделом, помощника начальника, заместителя начальника Особого отдела ВЧК – ГПУ РСФСР. При поступлении на службу в ВЧК с согласия своих руководителей Дзержинского и Кедрова Фраучи официально принял фамилию Артузов. В мае 1922 года в связи с окончанием Гражданской войны из Особого отдела был выделен новый – контрразведывательный отдел (КРО), который возглавил Артузов, по праву считавшийся в ВЧК мастером контрразведки высокого класса.

На посту начальника КРО ОГПУ СССР Артузов руководил и принимал непосредственное участие в разработке и проведении многих ответственных чекистских операций. В частности, в ликвидации заговора монархистов-николаевцев, в знаменитой операции «Синдикат-2» по выводу на территорию СССР и аресту известного террориста Бориса Савинкова, в операции «Трест», завершившейся арестом международного шпиона и заговорщика, британского разведчика Сиднея Рейли и многих других. За поимку Савинкова Артузову была объявлена благодарность советского правительства.

В 1930 году Артузов переходит на работу во внешнюю разведку: занимает пост заместителя начальника ИНО ОГПУ. 1 августа 1931 года он становится начальником советской внешней разведки и членом Коллегии ОГПУ.

Под руководством Артузова была проведена коренная реорганизация работы Иностранного отдела ОГПУ, сочетавшая ведение разведки с «легальных» и нелегальных позиций.

В 1933 году по инициативе Артузова была воссоздана нелегальная резидентура в Англии, руководимая знаменитым разведчиком-нелегалом Арнольдом Дейчем, лично завербовавшим свыше двадцати агентов. Этой резидентурой была приобретена знаменитая «Кембриджская пятерка», от которой в дальнейшем поступала документальная информация о деятельности МИДа и МВД Великобритании, об англо-германских отношениях, о положении в основных политических партиях страны, о торговой политике Великобритании, а также по другим актуальным вопросам, интересовавшим Москву. В годы Великой Отечественной войны от «Кембриджской пятерки» на регулярной основе поступала информация не только по Великобритании, но и по гитлеровской Германии, где в тот период не существовало резидентуры советской внешней разведки.

В мае 1934 года, когда угроза гитлеровской агрессии стала реальностью и не исключалось создание блока западных стран на антисоветской основе, Политбюро ЦК партии рассмотрело вопрос о координации деятельности военной и политической разведок. Начальник ИНО ОГПУ Артур Артузов был назначен по совместительству заместителем начальника Разведывательного управления (РУ) РККА. 21 мая 1935 года он был освобожден от обязанностей начальника ИНО Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР и полностью сосредоточился на работе в военной разведке, которую тогда возглавлял Ян Карлович Берзин. Артузову было присвоено воинское звание корпусного комиссара.

Уже за первый год своей работы в военной разведке Артузов многое сделал для совершенствования ее деятельности. В частности, он активно добивался, чтобы сотрудники воен-

ной разведки за границей прекратили всякие связи с членами компартий, отказались от практики их вербовки, что неоднократно приводило к провалам в работе.

И в военной разведке Артузов уделял первостепенное внимание работе с нелегальных позиций. В 1935 году по его предложению за рубеж был командирован разведчик-нелегал Ян Черняк. В течение двенадцати лет он возглавлял крупную агентурную сеть, охватывавшую ряд стран Европы. Уже в наше время он был удостоен звания Героя России. Именно Артузов принял в Разведупр легендарного военного разведчика Хаджи-Умара Мамсурова («Ксанти»), отличившегося позднее в Испании. В тот же период нелегальным военным разведчиком стал знаменитый Шандор Радо, обосновавшийся в Швейцарии под псевдонимом «Дора», от которого в годы Великой Отечественной войны поступала ценная стратегическая информация по Германии и Италии. На период работы Артузова в военной разведке приходится активизация деятельности Леопольда Треппера, создавшего разветвленную разведывательную сеть в Бельгии и во Франции. Наконец, Артур Христианович был «крестным отцом» выдающегося разведчика-нелегала Рихарда Зорге («Рамзая»), работавшего в Китае и Японии и в 1963 году удостоенного звания Героя Советского Союза (посмертно).

Список имен прославленных разведчиков, таланты которых сумел разглядеть Артузов, можно было бы продолжить. Однако даже простое перечисление этих бойцов «невидимого фронта», вошедших в золотой фонд как политической, так и военной разведок нашей страны, говорит о незаурядном уме и высоком профессионализме мастера разведки, каковым с полным основанием можно считать чекиста Артура Христиановича Артузова. Он умел создавать задел на перспективу. В суровые годы Второй мировой войны именно от этих людей поступала ценнейшая военная и политическая информация, в том числе по атомному оружию. Именно поэтому Артузов в своей профессии не имеет себе равных среди руководителей разведок всех стран.

Однако положение Артузова в Разведупре, несмотря на его успешную деятельность, было непрочным. Нарком обороны Ворошилов с подозрением относился к нему и другим чекистам, пришедшим в военную разведку, считая, что они подсланы Сталиным для наблюдения за ним. Началось неприкрытое выживание Артузова и других бывших сотрудников НКВД из военной разведки.

11 января 1937 года по предложению Ворошилова Политбюро приняло решение освободить Артузова и Штейнбрюка от работы в военной разведке и направить их в распоряжение кадров НКВД. Несколько позже из Разведупра были удалены и другие чекисты, пришедшие туда вместе с Артузовым.

На Лубянке Артузов оказался не у дел, а его уникальный разведывательный опыт не востребованным. Первоначально его направили в архивное подразделение – якобы для написания книги, приуроченной к 20-й годовщине органов государственной безопасности.

В ночь на 13 мая 1937 года Артур Артузов был арестован в своем служебном кабинете. Незадолго до своего ареста, выступая на партийном активе НКВД, Артур Христианович заявил:

«При установившемся после смерти Менжинского фельдфебельском стиле руководства отдельные чекисты и даже целые звенья нашей организации вступили на опаснейший путь превращения в простых техников аппарата внутреннего ведомства со всеми недостатками, ставящими нас на одну доску с презренными охранками капиталистов».

«Простые техники» такого простить Артузову не смогли. Уже на следующий день после ареста началось «следствие» по его делу, которое закончилось 15 августа 1937 года. Артузов обвинялся по 58-й статье, точнее, по тому из ее пунктов, где говорилось о «контрреволюционных преступлениях» и «шпионаже», а также в принадлежности к «антисоветской организации правых, действовавшей в НКВД и возглавляемой Ягодой».

21 августа того же года как «шпион польской и других разведок» Артузов был осужден тройкой НКВД к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно 7 марта 1956 года.

Артур Христианович Артузов был награжден двумя орденами Красного Знамени, а также двумя нагрудными знаками «Почетный работник ВЧК – ГПУ».

Андрей Федоров

В 1920-е годы основные акции, проводимые ВЧК – ОГПУ и зарождавшейся внешней разведкой, были направлены не столько против иностранных разведок, сколько против различные зарубежных антисоветских организаций и центров и их филиалов в России. Важную роль в деятельности советской внешней разведки в этом направлении выпало сыграть представителю первого поколения чекистов-разведчиков Андрею Павловичу Федорову.

Андрей Федоров родился 26 августа 1888 года в селе Мангуш Мариупольского уезда Екатеринославской губернии в крестьянской семье.

Андрей Павлович Федоров

Окончив двухклассное сельское училище, Андрей поступил в Мариупольскую гимназию. В 1905 году за участие в забастовочном движении учащихся был исключен из гимназии. Позднее сдал экстерном экзамены и в 1909 году поступил на медицинский факультет Новороссийского университета в городе Одессе. Во время учебы в университете участвовал в деятельности партии эсеров, за что был исключен и выслан из Одессы.

В 1910 году Федоров поступил на юридический факультет Харьковского университета. В 1912 году за участие в забастовке протеста против расстрела рабочих на Ленских золотых приисках он был исключен из университета и выслан за пределы Харьковской губернии. Жил на Кавказе. В 1914 году экстерном окончил университет, получив диплом юриста.

В августе 1915 года Федоров был призван на военную службу. Окончил Александровское военное училище в Москве и был направлен прапорщиком в 5-й Сибирский полк, расквартированный в Туркестане. На службе в армии Федоров вел революционную работу среди солдат, избирался членом полкового солдатского комитета. В 1917 году принимал активное участие в революционных событиях в России, поддержав Октябрьскую революцию.

С приходом белогвардейцев в Туркестан Федоров был арестован и выслан на Кавказ. Принимал участие в работе подпольной коммунистической группы. В конце августа 1919 года деникинская контрразведка напала на след подпольщиков, и Федоров был вновь арестован. Белогвардейский суд приговорил его к расстрелу, однако в конце декабря того же года по «манифесту Деникина» он был помилован и направлен на «перевоспитание» в караульную роту во Владикавказ. В январе 1920 года бежал в Тифлис, где поступил на работу секретным сотрудником Особого отдела 10-й армии.

С 1920 по 1922 год Федоров работал на Кавказе в качестве начальника отделения Особого отдела Батумского укрепрайона. В 1922 году был откомандирован в Кутаиси на должность начальника отделения Закавказской ЧК.

В 1922 году Федоров был переведен на работу в центральный аппарат ГПУ. Являлся активным участником операции «Синдикат-2», завершившейся в 1924 году выводом в СССР и арестом руководителя террористической белогвардейской организации «Народный союз защиты Родины и свободы» Бориса Савинкова. В данной чекистской операции Федорову отводилась одна из главных ролей.

Через эмиссара Савинкова в Москве Федоров вышел на самого руководителя белогвардейской организации. Выступая в качестве лидера легендированной чекистами организации «Либеральные демократы», разведчик неоднократно по заданию ГПУ выезжал в Париж и другие европейские страны, где встречался с Савинковым и активистами его организации, а также с британским разведчиком Сиднеем Рейли. Бывая по заданию Дзержинского в Польше, Федоров встречался с сотрудниками военной разведки этой страны, которых снабжал специально подготовленными в Москве дезинформационными материалами.

Борис Савинков настолько поверил в реальность существования «Либеральных демократов» и словам Федорова о том, что этой организации нужен энергичный вождь, что в августе 1924 года решился лично посетить СССР. Савинков был арестован чекистами на конспиративной квартире в Минске и доставлен в Москву на Лубянку. Арест вызвал у террориста, заявлявшего, что он не боится смерти, серьезный надлом и полную капитуляцию. Допросы Савинкова вели Артузов и его заместитель Пиляр. Он признал свое поражение и дал высокую оценку работе чекистов.

Что же касается самого Федорова, то в операции «Синдикат-2» он проявил исключительную смелость, находчивость и самообладание. Он выдержал неоднократные проверки со стороны польской контрразведки, а также со стороны ближайшего помощника Савинкова полковника Павловского, который требовал от разведчика признания в своей принадлежности к ВЧК.

В 1924 году Андрей Павлович был награжден орденом Красного Знамени, а позже – нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ОГПУ».

Приведем выдержку из рапорта заместителя начальника контрразведывательного отдела ГПУ – ОГПУ Романа Пиляра на Федорова, представленного к государственной награде за участие в операции «Синдикат-2»:

«Тов. Федоров провел главную роль в разработке дела Савинкова. На этой работе проявил небывалую выдержку и инициативу. Посылался по нашим заданиям нелегально через Польшу в Париж к Б. Савинкову. Неоднократно подвергался риску, проявляя в опасные моменты смелость, находчивость и стойкость».

В тот же период Федорову довелось принимать активное участие в реализации чекистской операции «Трест», завершившейся арестом международного шпиона и заговорщика британского разведчика Сиднея Рейли. 5 ноября 1925 года Сидней Рейли, приговоренный революционным судом к смертной казни еще в 1918 году за участие в «заговоре послов», был расстрелян.

В 1933–1937 годах Федоров являлся начальником разведывательного отдела УНКВД Ленинграда и Ленинградской области. 3 августа 1937 года он был арестован вместе с другими чекистами, которым были известны некоторые интимные подробности убийства Сергея Мироновича Кирова. Федорову были предъявлены вздорные обвинения в «шпионаже» и в принадлежности к так называемому «троцкистско-зиновьевскому блоку».

20 сентября того же года майор госбезопасности Андрей Павлович Федоров был осужден к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно Военной коллегией Верховного суда СССР 14 апреля 1956 года.

Имя Андрея Павловича Федорова, как одного из выдающихся представителей первого поколения чекистов-разведчиков, занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Сергей Третьяков

В начале 1930-х годов советская внешняя разведка успешно провела крупную операцию по внедрению техники подслушивания в находившуюся в Париже штаб-квартиру боевой террористической организации белой эмиграции – Русского общевойскового союза (РОВС). В этой операции, ставшей позже известной под кодовым названием «ИНД» («Информация наших дней»), особая роль отводилась активному помощнику парижской резидентуры НКВД «Иванову». Лишь в конце 1980-х годов советская внешняя разведка открыла некоторые архивные материалы того периода, и широкой общественности стало известно, что оперативный псевдоним «Иванов» принадлежал одному из видных представителей русской эмиграции во Франции Сергею Николаевичу Третьякову – замечательному русскому человеку, вынужденному покинуть Родину, но преданно служившему ей до конца своих дней.

Сергей Николаевич Третьяков родился 26 августа 1882 года в богатой и именитой московской семье. Его дед Сергей Михайлович, родной брат основателя всемирно известной Третьяковской галереи, был в 1877–1881 годах городским головой в Первопрестольной.

Сергей Николаевич Третьяков

В 1901–1905 годах Сергей Николаевич учился на физико-математическом факультете Московского университета. После окончания учебы, продолжая дела своей семьи, возглавил правление товарищества Костромской льняной мануфактуры. Очень скоро он стал одним из наиболее влиятельных предпринимателей льняной отрасли, владельцем ведущих текстильных предприятий, основателем и первым председателем Всероссийского объединения льняных фабрикантов. Третьяков избирался председателем Московского биржевого комитета, входил в Группу молодых российских капиталистов, являлся членом ЦК созданной в 1912 году партии прогрессистов.

Политическая карьера Сергея Третьякова начала стремительно развиваться в 1917 году: в феврале его избрали товарищем (заместителем) председателя Всероссийского союза торговли и промышленности, в июне – по списку кадетской партии – гласным Московской городской думы. В сентябре он вошел в состав третьего коалиционного российского правительства Керенского, заняв в нем пост председателя Высшего экономического совета.

26 октября 1917 года, на следующий день после большевистской революции, Третьяков вместе с другими министрами Временного правительства был арестован в Зимнем дворце и заключен в Петропавловскую крепость. После освобождения в конце февраля 1918 года он выехал в Париж. Однако когда в ноябре 1918 года адмирал Колчак предложил Третьякову занять пост министра торговли и промышленности во Временном сибирском правительстве, Сергей Николаевич немедленно отправился в Омск. Впрочем, в Сибири он пробыл недолго, всего десять месяцев, и после поражения Белого движения вернулся во Францию.

В Париже владеющему несколькими европейскими языками и к тому же обладающему солидным капиталом в России Третьякову было доверено кресло председателя Русской торговой палаты, а также – заместителя главы Российского торгово-промышленного и финансового союза («Торгпрома»).

В 1929 году Сергей Третьяков был привлечен парижской резидентурой ОГПУ к сотрудничеству и получил оперативный псевдоним «Иванов». Вопреки ожиданию резидентуры, он легко дал согласие работать на Москву. Причины, побудившие Третьякова пойти на сотрудничество с советской разведкой, кроются, скорее всего, в его разочаровании белой эмиграцией. Вместе с тем, будучи человеком трезвого, аналитического ума, Третьяков раньше других из своего окружения понял, что в России возврата к старому уже не будет.

В 1931 году руководитель парижской резидентуры докладывал в Центр: «“Иванов” является весьма ценным источником, с большими перспективами на будущее. Мы рассчитываем добиться через него ряда серьезных разработок». Одновременно было принято решение сосредоточить его усилия на работе по РОВС.

Сотрудники резидентуры обратили внимание на то, что дом № 29 на улице Колизей в столице Франции, где обосновалась штаб-квартира РОВС, принадлежит... Третьяковым. Главная резиденция общевойска союза помещалась на первом этаже, а второй и третий этажи занимала семья Третьякова. Резидентура предложила Сергею Николаевичу перенести свой рабочий кабинет на второй этаж дома. Центр выделил необходимую сумму денег для проведения ремонта жилых помещений. Супруга Третьякова и дети заняли пять комнат третьего этажа, а рабочий кабинет главы семьи и ряд подсобных помещений расположились на втором – непосредственно над кабинетами председателя РОВС генерала Миллера и начальника первого отдела генерала Шатилова, а также над канцелярией союза.

Вскоре из Москвы прибыла надежная прослушивающая аппаратура. В помещениях РОВС были установлены микрофоны, именовавшиеся на чекистском сленге «Петьками», а в комнатах Третьякова – аппаратура приема. И с января 1934 года началось постоянное прослушивание разговоров, ведущихся в штабе союза и даже в кабинете его председателя.

В Центр отныне регулярно поступала «Информация наших дней» («ИНД») – так в ИНО ОГПУ окрестили получаемые от Третьякова сведения. Из этой информации, проверяемой и дополняемой другими источниками, разведка смогла воссоздать достаточно точную картину деятельности РОВС.

Находившийся большую часть времени дома Третьяков имел возможность фиксировать всех посетителей штаб-квартиры РОВС, своевременно включать аппаратуру и записывать содержание бесед Миллера со своими помощниками. Он работал и днем и ночью. Благодаря этому разведка была в курсе почти всех деловых и личных встреч Миллера с другими руководителями организации, их планов по организации работы, замыслов и даже настроений отдельных белоэмигрантских лидеров.

В 1934 году парижский резидент сообщал в Центр: «“Иванов” исполняет добросовестно необычайно трудную работу, ибо несомненно, что производство “ИНД” – вредное производство: слух, внимание, нервы напряжены 8–9 часов в сутки... Он работает удивительно хорошо и внимательно, не за страх, а за совесть...»

Третьяков успешно сотрудничал с советской разведкой вплоть до оккупации гитлеровцами Франции. Он действительно работал честно, и его материалы представляли большой оперативный интерес. В конце 1939 года штаб-квартира РОВС была переведена в Брюссель. Буквально накануне оккупации Франции войсками гитлеровской Германии связь с Третьяковым была временно законсервирована. Однако это не спасло его от разоблачения. 14 июня 1942 года Третьяков был схвачен немцами. Во время обыска в его квартире гестаповцы обнаружили приемное устройство и провода, протянутые в штаб-квартиру РОВС, а в помещении штаба – микрофоны.

В августе 1942 года фашистская газета «Локаль-анцайгер» и эмигрантская газета «Новое слово» опубликовали корреспонденции, в которых говорилось об аресте в Париже бывшего министра Временного правительства России Сергея Третьякова как советского агента, участвовавшего в похищении чекистами генералов Кутепова и Миллера и в укрывании одного из организаторов захвата последнего – генерала Скоблина. Газеты утверждали, что Третьяков являлся одним из резидентов НКВД во Франции и что с его помощью большевикам удалось обезвредить более тридцати диверсантов-белогвардейцев, переброшенных в СССР.

Третьякова перевезли в Германию. Там 16 июня 1944 года он был расстрелян в концлагере в Ораниенбурге. Немецкая пресса опубликовала официальное сообщение о его казни.

Так закончил свою жизнь Сергей Николаевич Третьяков – один из активных помощников советской внешней разведки, внесший неоценимый вклад в пресечение террористической деятельности РОВС и в дезорганизацию его работы.

Николай Крошко – «король кремлевских шпионов»

Во второй половине 1920-х годов в зарубежной прессе стали активно публиковаться «документальные материалы» о зловещих планах ОГПУ и Коминтерна, направленных якобы на потрясение политических и экономических устоев западного мира. Внешне подлинность документов не вызывала сомнений – стиль, реквизиты, подписи должностных лиц были как настоящие. Публикации спровоцировали бурю негодования западной общественности и привели в отдельных случаях к тяжким, порой трагическим последствиям: казням болгарских коммунистов, будто бы готовивших по заданию Коминтерна взрыв собора в Софии; налетам немецкой полиции на советское торгпредство в Берлине; захвату английской полицией в Лондоне представительства российского кооперативного общества «Аркос» и последующему разрыву дипломатических отношений с СССР. В рамки этих дезинформационных мероприятий, направленных в первую очередь против СССР, вписывались и потрясшие США публикации о том, что советское правительство якобы подкупило американских сенаторов Бора и Норриса для того, чтобы они выступили за признание Соединенными Штатами Советского Союза и за установление с ним дипломатических отношений.

Указанные выше публикации наносили серьезный ущерб престижу и интересам СССР, только начавшего выходить из международной изоляции. Документы якобы исходили из Москвы, но советское руководство знало, что это фальшивки, хотя и изготовленные квалифицированно, со знанием дела. Но кем? Где? Разведка получила задание – дать ответ на эти вопросы.

Решающая роль в реализации данной операции принадлежала кадровому советскому разведчику, бывшему эмигранту, эсеру-савинковцу, поручику Николаю Николаевичу Крошко. Как же он попал в разведку?

Николай Крошко родился в 1898 году на Тамбовщине в бедной мещанской семье. Несмотря на постоянную нужду, родители стремились дать сыну достойное образование. Гимназию он окончил с серебряной медалью.

Николай Николаевич Крошко

В 1918 году из оккупированного немцами Киева Крошко выехал на Дон, в армию Деникина, где служил в звании поручика. Затем последовало бегство за границу, в Польшу, где он сблизился с Савинковым. Одновременно молодой человек обзавелся обширными связями в эмигрантских кругах, особенно из числа белого офицерства. Тем не менее очень скоро Крошко разочаровался в эсеровских идеалах и в эмигрантской жизни вообще. Николай тянуло на родную землю, где его ждали мать и сестра.

Именно тогда Николай Крошко попал в поле зрения одной из прибалтийских резидентур Иностранного отдела ОГПУ. Предложение о сотрудничестве с разведкой молодого Советского государства он принял без колебаний, подчеркнув, что «уже давно отделил себя незримой чертой от бывших коллег по белой армии и эмиграции».

Николай Крошко с головой окунулся в напряженную разведывательную работу. Хотя для решения оперативных задач ему часто приходилось выезжать в различные европейские страны, основная его деятельность была связана с берлинской резидентурой ОГПУ. Крошко удалось проникнуть в ряд эмигрантских организаций и выяснить подлинную направленность их деятельности и связь с разведками европейских стран.

Так, в Берлине в те годы активно действовала белоэмигрантская организация «Братство Белого Креста» (ББК), которой руководил бывший лейтенант царского флота Павлов. Он пользовался материальной и политической поддержкой у представителей крайне

реакционных германских кругов, ставших впоследствии видными членами гитлеровской партии. Крошко сумел войти в доверие к Павлову и стать его ближайшим помощником. Разобравшись в «кухне» ББК, разведчик наладил противодействие антисоветской деятельности «Братства»: забрасываемая в СССР агентура арестовывалась или перевербовывалась, а тиражи антисоветских брошюр и листовок, предназначавшихся для распространения в Союзе, перехватывались и уничтожались. Вскоре неудачи ББК настолько надоели немцам, что они отказали ему в материальной поддержке, и «Братство», по существу, свернуло свою деятельность. Сотрудничая с Павловым, Крошко завел обширные знакомства среди немцев. Так, в 1923 году он присутствовал на съезде партии национал-социалистов и организации «Стальной шлем», активно участвовал в дружеских попойках делегатов, чем значительно расширил круг своих связей.

Задания Центра и резидентуры Крошко выполнял настолько успешно, что вскоре был зачислен в штат советской разведки, что случалось тогда крайне редко, и стал ее кадровым сотрудником под оперативным псевдонимом «Кейт».

Однако вернемся к заданию, поставленному советским правительством перед разведкой, – выявить источники антисоветских фальшивок.

После тщательных поисков «Кейту» удалось выйти на первоисточник – обосновавшуюся в Берлине белогвардейскую организацию, именовавшую себя «Братством русской правды» (БРП). Разведчик, работавший с позиций берлинской резидентуры, кропотливо собирал сведения об организации и ее руководителе. Им оказался многоопытный и опасный враг, который в царское время являлся следователем по особо важным делам, а затем – начальником врангелевской разведки и контрразведки, действительный статский советник Владимир Григорьевич Орлов.

«Кейту», обладавшему умом, смелостью и решительностью, а также подходящими анкетными данными, путем многоходовых оперативных мероприятий удалось проникнуть сначала в саму организацию «Братство русской правды», а затем и в окружение Орлова. Здесь сказались и блестящие характеристики, данные «Кейту» Савинковым и Павловым, и специально установленные дружеские отношения с полковником Кольбергом – приятелем и единомышленником Орлова.

Со временем Орлов стал доверять разведчику и привлекать его к выполнению отдельных поручений. В качестве эмиссара Орлова «Кейт» даже побывал в СССР, перейдя нелегально советско-финскую границу с помощью сотрудников финской политической полиции. «Кейт» без происшествий прибыл в Москву, подробно доложил в Центре о связях эмигрантских группировок в Хельсинки и Выборге с финской полицией и о том, кто и как готовил и осуществлял его переброску через границу. Перед отправкой в обратный путь «Кейта» в Центре снабдили «информационными материалами», которые должны были заинтересовать белую эмиграцию и его друзей из западных спецслужб.

Орлов остался очень доволен поездкой «Кейта» и предложил ему полностью переключиться на работу в БРП. Вскоре «Кейт» стал у Орлова особо доверенным лицом. Однажды Орлов пригласил его для серьезного разговора.

– Все, что мы с вами делаем, – явки, переходы через границу, сбор информации, – это неплохо, но не главное, – подчеркнул Орлов. – Если мы хотим нанести настоящий вред Советам, надо рассорить их со всем миром. У меня для этого есть средства, и я кое-что делаю.

Орлов рассказал «Кейту» о ранее запущенных фальшивках, а также о новых «проектах», направленных против советских представительств за границей. А затем показал свою «фабрику». Разведчик с удивлением разглядывал обширную картотеку, штампы, печати, дубликаты наиболее злостных фальшивок, образцы подписей, фото- и химическую лабора-

тории, набор пишущих машинок с разными шрифтами и другие приспособления. Завершилась «экскурсия» предложением «Кейту» принять участие в работе «фабрики».

Вскоре Орлов познакомил «Кейта» со своим главным подручным – бывшим сотрудником ВЧК – ОГПУ Яшиным-Сумороковым, проживавшим в Берлине по выданным ему немцами документам на имя Павлуновского, а также с ближайшей помощницей – агентом берлинской полиции Дюмлер.

Задание Центра было выполнено. В руках нашей разведки оказались неопровержимые доказательства преступной деятельности Орлова и его «фабрики». Наступило время принимать контрмеры. «Кейт» сделал слепки с ключей от квартиры, лаборатории, сейфов и шкафов с документами и изготовил по ним дубликаты. А когда Орлов на некоторое время покинул Берлин, он проник в помещение «фабрики» и изъяс копии, черновики и заготовки фальшивых документов, образцы штампов и печатей. Среди изъятых были и заготовки двух фальшивок, за которыми особенно охотился разведчик, – о мнимом подкупе советским правительством американских сенаторов.

Советская разведка по своим каналам довела эти документы до сведения правительства США. Получив убедительные данные о том, как и кем были изготовлены фальшивки, Вашингтон потребовал от Берлина суда над их авторами. К этому требованию присоединилась и Москва. 27 февраля 1929 года Орлов и его подручные были арестованы немецкой полицией.

Николаю Крошко пришлось тоже срочно покинуть Германию. На пароходе «Герцен» он отбыл на родину. Крошко еще находился в море, когда во многих европейских газетах появились сообщения о «таинственно исчезнувшем поручике» и пропавших из сейфа документах.

По разным причинам роль Николая Крошко в разоблачении Орлова стала известна на Западе и послужила основой для сенсационных публикаций в газетах под броскими заголовками: «Король кремлевских шпионов», «Коллекционер ротозеев», «Человек, который проходит сквозь стену». Он стал знаменит во всем мире, кроме... своей страны, где о его делах долгие годы хранилось полное молчание.

Николай Николаевич Крошко дожил до глубокой старости, до конца своих дней принимая активное участие в воспитании молодых разведчиков. В 1967 году, уже будучи тяжелобольным, он написал воспоминания о своей разведывательной работе.

«Да Винчи» советской разведки Борис Базаров

Борис Яковлевич Базаров (оперативные псевдонимы: «Кин», «да Винчи», «Норд»), оставивший заметный след в истории советской внешней разведки как один из самых успешных нелегальных резидентов Лубянки, родился 27 мая 1893 года в местечке Цитовяны Россиенского уезда Ковенской губернии. Отец был мелким служащим почтово-телеграфного ведомства. Мать занималась домашним хозяйством.

Борис Яковлевич Базаров

До 10-летнего возраста Борис жил в местечках Ковенской губернии по месту службы отца. Окончил Лукнижское трехгодичное народное училище. Затем семья переехала в город Вильно. В 1911 году Борис окончил Виленское реальное училище, а в 1914 году – Виленское военное училище. Позже во всех анкетах на вопрос «основная специальность» Базаров отвечал: военная.

12 июля 1914 года молодой офицер прямо с выпускного бала был направлен на германский фронт. Служил в звании подпоручика командиром взвода в 105-м пехотном полку. Уже в конце 1914 года он получил чин поручика и стал ротным командиром. За проявленную отвагу в боях был награжден. Однако в начале 1916 года оказался в немецком плену. После трех лет пребывания на чужбине Базаров был освобожден из плена и отправлен водным путем на юг России, в Крым. Возвратившись на родину, недавний пленник вначале остановился в Ростове-на-Дону, а затем переехал на жительство в Екатеринодар. В январе 1919 года Базаров был мобилизован белогвардейскими властями. Служил младшим офицером в штабе одной из частей деникинской армии, а затем в Русской армии генерала Врангеля.

После того как в ходе Перекопско-Чонгарской операции дивизии красных 17 ноября 1920 года полностью овладели Крымом, остатки врангелевских войск под прикрытием французской эскадры эвакуировались в Турцию. Так Базаров оказался сначала в Константинополе, а потом – в Берлине.

В архивах Службы внешней разведки России, к сожалению, не удалось обнаружить точных сведений о том, как Базаров пришел в советскую внешнюю разведку. На этот счет существуют две версии. По одной из них, находясь в начале 1921 года в Берлине и окончательно разочаровавшись в «белой идее», он добровольно предложил свои услуги чекистам. По второй версии, Базаров именно по заданию ВЧК стал служить в белой армии и после ее поражения вместе с ней ушел за границу.

Так или иначе, но доподлинно известно, что в марте 1921 года Борис Базаров уже являлся кадровым сотрудником Иностранного отдела ВЧК – руководителем нелегальной резидентуры в Болгарии, в круг интересов которой входили также Румыния и Югославия. Это был незаурядный молодой человек, который свободно владел немецким, болгарским, французским и сербохорватским языками, неплохо говорил по-английски. В служебной характеристике на нелегального резидента, относящейся к тому периоду, в частности, отмечалось: «С марта 1921 года по 1924 год тов. Базаров пробыл на подпольной работе на Балканах (Болгария, Югославия), где в условиях крайне тяжелых, в условиях жесточайшего террора сумел создать и организовать работу группы источников, освещавших самые разнообразные политические и оперативные вопросы по Балканам».

С 1924 по 1927 год Базаров работал сотрудником полпредства СССР в Вене и под прикрытием этого учреждения в качестве резидента руководил нелегальными группами источников, действовавших в Болгарии, Югославии и Румынии. Одновременно поддерживал связь с лидерами македонского и албанского национально-революционных движений на Балканах, снабжая их оружием и материальными средствами. По заданию Центра «провел ряд особо ценных оперативных мероприятий».

В 1927 году Борис Яковлевич получил разрешение вернуться на Родину. Находясь в Москве, он руководил Балканским сектором внешней разведки. Особоуполномоченного ИНО ОГПУ Базарова отличало исключительно глубокое знание политических и экономических проблем стран этого региона. В июле 1927 года он стал членом ВКП(б). А пять месяцев спустя, отмечая десятилетие создания органов государственной безопасности, Коллегия ОГПУ наградила Базарова почетным именовым оружием с гравировкой: «За преданность делу пролетарской революции».

В мае 1927 года консервативное правительство Великобритании разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом, что привело к ликвидации лондонской резидентуры

ИНО ОГПУ, действовавшей под прикрытием диппредставительства СССР. Это обстоятельство вынудило руководство советской внешней разведки искать иные пути проникновения в интересующие ее английские учреждения, в частности, с позиций континентальных европейских стран. Базаров вновь направляется на нелегальную работу, на этот раз – в Германию. С позиций Берлина ему предстояло руководить нелегальной резидентурой в Англии, а также балканской линией разведки. Одновременно перед Базаровым была поставлена задача по руководству нелегальной группой разведчиков во Франции. Резиденту и его сотрудникам удалось провести ряд успешных оперативных мероприятий по приобретению ценных источников информации.

В августе 1930 года Базаров был награжден нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ». В представлении к награждению отмечалось: «К особой заслуге тов. Базарова необходимо отнести четкое выполнение серьезных оперативных заданий Центра». Одним из выдающихся достижений Бориса Базарова того периода явилась вербовка шифровальщика британского Форин Оффиса, которую он осуществил совместно с сотрудником своей резидентуры – в дальнейшем видным советским разведчиком-нелегалом Дмитрием Быстролетовым. В результате этой операции разведка нашла пути проникновения в кабинеты Уайтхолла (улица в центральной части Лондона, где расположены важнейшие министерства. В переносном смысле – правительство Великобритании. – *Авт.*). В течение трех лет работы с агентом резидентура получала от него английские шифры и коды, дешифровальные таблицы, еженедельные сборники шифрованных телеграмм британского МИДа, другие секретные документы.

В 1934 году Базаров возвратился из командировки в Москву и занял должность начальника одного из подразделений ИНО.

Тогда же, в 1934 году, в Нью-Йорке при невыясненных обстоятельствах погиб нелегальный резидент ИНО НКВД в США Валентин Маркин. Его труп был обнаружен в одном из районов Нью-Йорка. По основной и единственной версии, которая рассматривалась в Центре, но не получила четкого подтверждения, он стал случайной жертвой гангстерской разборки.

Решением руководства советской внешней разведки в США на замену погибшего нелегального резидента был направлен Борис Базаров. При этом в первую очередь учитывался большой оперативный опыт разведчика.

Нелегальная резидентура Базарова успешно взаимодействовала с «легальной», которую возглавлял замечательный профессионал Петр Гутцайт. И не случайно в документах внешней разведки, касающихся того периода, подчеркивается: «Значительных успехов достигла советская разведка в 1930-е годы в США. Нелегальная резидентура под руководством Б. Я. Базарова завербовала нескольких ценных агентов, имевших непосредственные подходы к сотрудникам госдепартамента, и получала от них сведения по широкому кругу вопросов. Был приобретен источник со связями в окружении президента Рузвельта, передававший уникальную информацию о позиции правящих кругов страны в период вызревания в Европе военного конфликта».

В материалах личного дела резидента Базарова появилась новая запись: «Владеет оперативным опытом в совершенстве». Он был награжден вторым нагрудным знаком «Почетный чекист». В марте 1937 года Борису Яковлевичу было присвоено специальное звание майора госбезопасности.

Однако полнокровная жизнь разведчика-профессионала Базарова неожиданно оборвалась в 1938 году, когда его под предлогом отпуска (которого он настойчиво добивался) отозвали в Москву. 3 июля 1938 года Борис Базаров был арестован, а 21 февраля 1939 года «за шпионаж и измену» приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно 22 декабря 1956 года.

Такова оперативная и жизненная судьба одного из лучших и активнейших представителей первого поколения советских разведчиков.

Сергей Шпигельглаз

В феврале 1938 года временно исполняющим обязанности начальника 7-го отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР (внешней разведки) был назначен майор государственной безопасности Сергей Михайлович Шпигельглаз. Он являлся опытным разведчиком, проработавшим на руководящих должностях во внешней разведке, в том числе в ее нелегальном подразделении, более двенадцати лет. К сожалению, руководить разведкой Шпигельглазу довелось менее четырех месяцев.

Сергей Шпигельглаз родился 29 апреля 1897 года в местечке Мосты Гродненской губернии в семье местного бухгалтера-еврея. После окончания 1-го Варшавского реального училища он поступил на юридический факультет Московского университета. Свободно владел польским, немецким и французским языками.

Сергей Михайлович Шпигельглаз

Еще учась в Варшаве, а затем и в Москве, Сергей проникся духом ниспровержения существовавшего царского режима. Примкнув к российскому революционному движению,

он стал принимать активное участие в работе революционных кружков. Несколько раз арестовывался царской полицией.

В мае 1917 года с третьего курса университета Сергей был призван на военную службу в царскую армию. Окончив школу прапорщиков в Петрограде, он служил в чине прапорщика в 42-м запасном полку. После Октябрьской революции 1917 года Шпигельглаз работал в московском военном комиссариате.

В 1919 году Шпигельглаз был направлен на работу в комиссию Кедрова, фактически выполнявшую задачи военной контрразведки. После последовавшей вскоре реорганизации, комиссия была включена в состав Особого отдела ВЧК. Шпигельглаз с головой окунулся в нелегкий и рискованный труд чекистов. По заданию Кедрова он неоднократно выезжал с оперативными группами в различные города и районы Юга, Запада и Центра России, где зрели контрреволюционные заговоры и мятежи, готовились к выступлению против советской власти силы враждебного подполья. Шпигельглаз активно участвовал в оперативных разработках лиц, подозреваемых в принадлежности к контрреволюции.

В 1922 году он назначается на должность уполномоченного в Иностранный отдел ОГПУ и вскоре направляется по линии внешней разведки в спецкомандировку в Монголию.

Шпигельглаз проработал в Монголии до 1926 года, проводя с ее территории активную агентурную работу по Китаю и Японии. Его деятельность в Монголии была высоко оценена Центром. По возвращении в Москву Шпигельглаз был назначен помощником начальника внешней разведки. При этом учитывалось его свободное владение несколькими иностранными языками. Проработав в этой должности десять лет, в сентябре 1936 года он был выдвинут на пост заместителя начальника внешней разведки.

За период работы на руководящих должностях во внешней разведке Шпигельглаз неоднократно выполнял ответственные спецзадания за рубежом: в Китае, Германии и во Франции. В частности, являясь нелегальным резидентом в Париже, он руководил похищением председателя Русского общевойскового союза (РОВС) генерала Миллера. Вопрос о проведении острой операции по Миллеру встал после получения руководством советской внешней разведки данных о том, что он через своего представителя в Берлине генерала Лампе установил тесные контакты с фашистским режимом в Германии. Миллер был доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке, где содержался как заключенный № 110 под именем Иванова Петра Васильевича. 11 мая 1939 года нарком внутренних дел Берия подписал распоряжение о расстреле экс-председателя РОВС, осужденного Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания.

Операция советской разведки, связанная с похищением Миллера, способствовала полному развалу РОВС. И хотя окончательно РОВС как организация прекратил свое существование с началом Второй мировой войны, советская разведка, дезорганизовав и разложив его, лишила гитлеровскую Германию и ее союзников возможности активно использовать в войне против СССР около двадцати тысяч членов этой организации.

Активно работал Шпигельглаз и против других белогвардейских организаций, главной целью которых было свержение советской власти в России. Среди последних следует, в частности, отметить Народно-трудовой союз (НТС), Организацию украинских националистов (ОУН), объединение грузинских меньшевиков во главе с Ноем Жорданием.

Под непосредственным руководством Шпигельглаза советская разведка добыла совершенно секретные материалы германского генерального штаба, касающиеся военной доктрины Германии в отношении СССР.

В период гражданской войны в Испании Шпигельглаз неоднократно выезжал в эту страну для оказания на месте конкретной оперативной помощи резидентуре НКВД, а также для проведения в тылу германо-итальянских союзников генерала Франко специальных раз-

ведывательно-диверсионных операций. «Летучие бригады» Шпигельглаза, как их называли сами разведчики, наносили по врагу чувствительные удары.

С февраля по июнь 1938 года Сергей Михайлович Шпигельглаз исполнял обязанности руководителя советской внешней разведки. Одновременно он преподавал в Школе особого назначения (ШОН) ГУГБ НКВД СССР.

Полноправным начальником внешней разведки Шпигельглаз так и не стал. Еще в 1937 году нарком внутренних дел Ежов решил устранить этого перспективного руководителя, проявлявшего излишнюю самостоятельность и имевшего право направлять напрямую Сталину разведывательные донесения разведки. После вынужденного назначения Шпигельглаза исполняющим обязанности начальника внешней разведки и открывавшихся перед ним перспектив занять этот пост без приставки и.о., Ежов активизировал свои действия, чтобы в будущем поставить на это место своего ставленника. Он инициировал проверочную комиссию, которая начала собирать компрометирующие материалы на Шпигельглаза. 9 июня 1938 года последний был освобожден от занимаемой должности, а 2 ноября того же года арестован.

29 января 1940 года за «измену Родине, участие в заговорческой деятельности, шпионаж и связь с врагами народа» Сергей Михайлович Шпигельглаз был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В ноябре 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Погибнув в расцвете сил, С. М. Шпигельглаз не успел до конца раскрыть свои недюжинные способности руководящего сотрудника внешней разведки. Однако за сравнительно короткий срок, отпущенный ему судьбой, он немало сделал для сохранения работоспособного аппарата внешней разведки в период необоснованных репрессий, которые были направлены в том числе и против чекистов-разведчиков.

Доктор Линицкий

В конце 1920 года вместе с остатками армии Врангеля, эвакуировавшейся из Крыма в Турцию на пароходах под прикрытием французской эскадры, в Галлиполийский лагерь прибыл разведчик 13-й армии красных Леонид Линицкий. Через Константинополь он добрался до Югославии. Позже ему удалось восстановить связь с советской разведкой.

Леонид Линицкий родился 21 июля 1900 года в городе Ахтырке Харьковской губернии в семье командира сотни пограничной стражи. Отец служил на дальневосточной границе, а семья пограничника жила в основном в Ахтырке или в Харькове, изредка приезжая к отцу погостить. В годы Первой мировой войны ротмистр Линицкий добровольно отправился на фронт, где героически сражался, командуя кавалерийским полком, и погиб в бою.

Леонид Леонидович Линицкий

Во время оккупации кайзеровской Германией Украины Леонид вел диверсионную работу против захватчиков в составе партизанского отряда, действовавшего в районе его родного города. Затем добровольно вступил в Красную Армию. Участвовал в боевых действиях на Южном фронте в составе 4-го Сумского и 3-го Лебединского полков.

В начале 1920 года Линицкий был зачислен в разведотдел 13-й армии и начал проходить подготовку для заброски в тыл противника. Однажды во время боя он получил тяжелое ранение. Принятый белыми за своего, Леонид был отправлен с другими ранеными в Севастополь, а затем эвакуирован вместе с госпиталем из Крыма.

Оказавшись в Югославии, разведчик некоторое время работал кочегаром на белградской суконной фабрике. Здесь же, на фабрике, он познакомился со своей будущей женой, которая в дальнейшем стала ему надежной помощницей в его разведывательной деятельности.

В 1930 году Линицкий окончил медицинский факультет Белградского университета и занялся частной практикой. Начиная с 1933 года он включился в активную разведывательную работу с нелегальных позиций по линии Иностранного отдела ОГПУ.

Нелегальная резидентура, которую возглавил в Белграде Линецкий, выполняла задачу по проникновению в вооруженные белоэмигрантские формирования в Югославии. В те годы ряд белоэмигрантских и националистических организаций, в частности Русский общевоинский союз и Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП), проводили широкую работу по засылке в СССР боевиков для проведения диверсий на транспорте и промышленных предприятиях, а также для осуществления террористических актов в отношении руководящих советских и партийных работников. Задача резидентуры заключалась в том, чтобы парализовать действия боевиков.

У резидента ИНО ОГПУ Линецкого было более десяти активных помощников, включая супругу, которая являлась секретарем резидентуры. Разведчики добывали информацию о засылке на территорию СССР террористов и сведения об организациях и группах, которые занимались этой враждебной деятельностью. Сотрудники резидентуры полностью контролировали деятельность основных белоэмигрантских организаций в Югославии. Прикрытие врача, имевшего широкую частную практику, способствовало проникновению Линецкого в руководящие круги вооруженной белогвардейской эмиграции. Он был хорошо знаком с белыми генералами и офицерами, чиновниками государственного аппарата страны.

Сотрудники резидентуры Линецкого осуществили ряд успешных вербовок и проникли в другие белогвардейские организации. Так, тесть Линецкого был внедрен в местную фашистскую организацию. Ему удалось получить фотографии и биографические сведения на террористов и агентов из числа русских эмигрантов, которые готовились для заброски в СССР. Одновременно разведчики провели ряд острых мероприятий по изъятию из сейфов некоторых руководителей РОВС и Народно-трудового союза особо важных документов. В них шла речь о контактах этих белогвардейских организаций с разведслужбами западных стран, а также о планах предстоящих террористических акций в СССР.

Что касается результатов работы резидентуры Линецкого в тот период, в официальных материалах Службы внешней разведки России отмечается, что «собранные нелегальной резидентурой сведения о засылке в СССР боевых групп и отдельных террористов позволили нанести серьезный удар по этим организациям в Югославии, а на некоторых направлениях полностью парализовать их деятельность».

5 декабря 1935 года в результате предательства Линецкий был арестован югославской тайной полицией. К нему как к руководителю «разоблаченной русской сети разведчиков», были применены суровые меры воздействия – в течение трех месяцев его жестоко пытали. Однако никаких сведений о своей работе и о своих товарищах мужественный разведчик полиции не сообщил. В ходе следствия и на суде он вел себя исключительно стойко, использовал суд для разоблачения террористической деятельности РОВС и НТСНП. Суд признал Линецкого виновным лишь в «проведении коммунистической пропаганды в полицейской тюрьме в ходе следствия» и приговорил к 2 годам и 8 месяцам каторжных работ в тюрьме для политических заключенных.

Находясь в заключении, Линецкий вступил в члены компартии Югославии, вел пропагандистскую работу среди заключенных. На неоднократные предложения югославских спецслужб о сотрудничестве он неизменно отвечал отказом, несмотря на угрозы физической расправы.

После отбытия срока заключения Линецкий в 1938 году был выведен в Москву. В Центре поведение Линецкого перед лицом противника было признано «безупречным». «Свой долг перед Отечеством вы выполнили блестяще», – заявил ему один из руководителей наркомата внутренних дел.

Однако... Шел 1938 год. В разведке места для него не оказалось. Линецкий выехал в Харьков, где проживала его семья, и стал работать врачом во 2-й городской больнице. С начала Великой Отечественной войны он – военврач 2-го ранга в эвакогоспитале № 1027.

Летом 1942 года по линии 4-го управления НКВД Линицкий был направлен в тыл противника в составе одной из разведывательно-диверсионных групп. Затем руководство разведки приняло решение использовать его для работы в Югославии, где развернулось широкое партизанское движение. После специальной подготовки в июне 1944 года Линицкий был выброшен с парашютом на территорию Югославии для координации действий с югославским движением Сопротивления.

Вместе с югославскими партизанами Линицкий активно участвовал в боевых действиях Народно-освободительной армии, совершал марши и одновременно добывал и сообщал в Центр важную разведывательную информацию. Во время боев он был контужен, но поста своего не оставил. Разведывательная работа Линицкого в Югославии продолжалась до освобождения страны.

За участие в движении Сопротивления Линицкий был награжден югославским боевым орденом «Партизанская звезда 3-й степени». Его ратный путь был также отмечен советскими орденами и медалями. В конце апреля 1945 года разведчик вернулся в Москву.

Вскоре Леонид Леонидович был снова направлен за границу для работы с нелегальных позиций. В качестве разведчика-нелегала он выехал для выполнения специального задания Центра в Индию, а затем – в Китай. Работать ему приходилось в тяжелых климатических условиях. Давали о себе знать старые раны, однако разведчик и не помышлял о лечении, переезжая из страны в страну и успешно решая сложные оперативные задачи.

Линицкому предстояло легализоваться в одной из стран азиатского региона, а затем переехать в одну из капиталистических стран. В связи с началом холодной войны и разворачивавшейся гонкой вооружений, он должен был наладить получение разведывательной информации о планах и практической деятельности предполагаемого противника. Однако эта работа была прервана его внезапной смертью.

25 января 1954 года полковник Линицкий скончался за границей от сердечной недостаточности. Его тело было перевезено в Москву.

В некрологе, подписанном руководством внешней разведки, в частности, указывалось: «При исполнении служебных обязанностей умер наш ценный нелегальный работник полковник Линицкий Леонид Леонидович... Он отдавал себя работе полностью, ставя общественные интересы выше личных. Готов был выполнить любое задание».

Трагедия разведчика Глинского

В 1937 году, когда на внешнюю разведку органов государственной безопасности обрушились необоснованные репрессии, жертвами которых стали сотни честных людей, резидент НКВД в Париже Станислав Мартынович Глинский в кругу близких друзей заявил, что не верит в предательство своих арестованных товарищей. Вскоре он был вызван в Москву – якобы для получения очередной награды. Однако вместо ордена разведчика ожидали застенки внутренней тюрьмы НКВД на Лубянке.

Станислав Глинский родился в 1894 году в Варшаве в семье рабочего-железнодорожника. Поляк. Его отец, Мартын Глинский, был активным членом Мокутовского комитета социал-демократической партии царства Польского в Варшаве. В 1908 году за свою революционную деятельность он был приговорен к четырем годам каторги и сослан на поселение в Иркутскую губернию.

Станислав Мартынович Глинский

После окончания ремесленного училища в 1910 году Станислав стал работать модельщиком на литейном заводе. В 1911 году вступил в РСДРП и вскоре был избран секретарем ее Мокутовского комитета. В 1913 году вместе с матерью, сестрами и братьями он отправился из Варшавы к отцу в Сибирь. Здесь он включился в работу большевистского подполья, перевозил партийную литературу, листовки и воззвания партии. Дважды арестовывался царской охранкой.

В мае 1917 года, Глинский, ставший профессиональным революционером, добровольцем вступает в 12-й Сибирский полк и в его составе отправляется на Северный фронт, под Ригу. По заданию партии он ведет революционную пропаганду среди солдат. Вскоре переводится в 17-й Сибирский полк, где избирается председателем полкового комитета. Революционная деятельность Глинского в армии привлекает к нему внимание руководства большевистской партии. Во время выборов в Учредительное собрание России он баллотируется по большевистскому списку и вместе с Лениным, Антоновым-Овсеенко, Снечкусом и другими большевиками избирается депутатом.

В конце января 1918 года 17-й Сибирский полк направляется на Урал для установления советской власти вдоль Сибирской железнодорожной магистрали. По прибытии в Челябинск военнослужащие полка принимают активное участие в борьбе с казаками атамана Дутова.

В ноябре 1918 года Станислав переводится на работу в Екатеринбургскую чрезвычайную комиссию, где занимает должность уполномоченного в Особом отделе, а вскоре становится его начальником.

В Екатеринбурге Глинский прослужил почти два года. В сентябре 1920 года он как польский коммунист был откомандирован в распоряжение Центра. Только что закончилась война с панской Польшей, и в тылу Красной Армии, а также вблизи российско-польской границы осталось множество польских агентов. Станислав получает новое назначение – он становится помощником начальника Особого отдела 16-й армии по агентурной работе.

С мая 1921 года Глинский принимал активное участие в чекистской операции «Синдикат-2», направленной на разложение контрреволюционной организации «Народный союз защиты Родины и свободы» (НСЗРС) во главе с Борисом Савинковым и его арест. Выдавая себя за члена легендированной чекистами антисоветской организации «Либеральные демократы», Глинский персонально обеспечивал переход Бориса Савинкова и его сподвижников на нашу территорию на участке российско-польской границы. По перехваченным явкам он посещал отряды организации Савинкова на территории Белоруссии и Польши и принимал непосредственное участие в ликвидации одного из таких отрядов, насчитывавшего более 500 человек.

В ходе проведения операции «Синдикат-2» Станислав Глинский сменил несколько должностей и мест службы. Это было продиктовано соображениями оперативной необходимости. За активное участие в оперативных мероприятиях на белорусской земле Станислав Глинский был награжден орденом Красного Знамени.

В дальнейшем, до конца 1924 года, Глинский работает заместителем начальника минского Особого отдела ОГПУ. В августе 1924 года его нелегальная боевая группа совершила налет на помещение польской службы безопасности в Столбцах и освободила двух делегатов V конгресса Коминтерна, арестованных охранкой Пилсудского.

В начале 1925 года Глинский переводится в Москву, в центральный аппарат ОГПУ и несколько месяцев работает в его контрразведывательном отделе. Однако вскоре руководство ОГПУ принимает решение о переводе Глинского в Иностранный отдел. При этом учитывались богатый оперативный опыт 30-летнего чекиста и хорошее знание иностранных языков.

Уже в начале 1926 года руководство ИНО ОГПУ направляет Глинского в Данциг в качестве помощника резидента внешней разведки. Проработав в «вольном городе» несколько месяцев, он в том же году был переведен в Варшаву и назначен резидентом внешней разведки в Польше.

В Варшаве Глинский продолжил активную борьбу с антисоветской эмиграцией. Он принимал непосредственное участие в разработанной Центром операции «Трест», завершившейся выводом в СССР и арестом агента британской разведки Сиднея Рейли, который

еще в годы русско-японской войны занимался в Маньчжурии шпионажем в пользу Японии, а в 1918 году был одним из организаторов «заговора послов» в России.

В феврале 1927 года операция «Трест» была завершена. За активное участие в ее реализации Глинский был награжден Почетной грамотой коллегии ОГПУ. Он возвратился в Центр. Однако уже в декабре 1928 года руководство ИНО направило его в новую служебную командировку, на этот раз в Финляндию.

Под руководством Глинского хельсинкской резидентуре удалось приобрести солидные источники секретной информации в финском правительстве и в руководстве политических партий страны. Советские разведчики смогли также проникнуть в вооруженное белогвардейское «Братство русской правды», террористические молодежные организации городов Хельсинки и Выборга, а также в антисоветский «Особый русский комитет». Это позволило предотвратить многие террористические акты, подготавливаемые против советских представителей за рубежом и на территории СССР. В Хельсинки Stanisław Мартынович провел два года.

В 1930 году Глинский уже руководил резидентурой ОГПУ в Латвии, с позиций которой в то время активно действовала против СССР британская разведка. Проникновение в планы английских спецслужб в отношении СССР, выявление связей СИС с белогвардейской эмиграцией, тайных каналов финансирования британской разведкой подрывных акций против нашей страны – вот далеко не полный перечень задач, которые стояли в те годы перед рижской резидентурой ОГПУ.

В 1931 году Глинскому поручается возглавить резидентуру внешней разведки в Праге. Он работает рука об руку с видным революционером Владимиром Антоновым-Овсеенко, назначенным Сталиным советским полпредом в этой стране.

Используя свой богатый оперативный опыт, Глинский ведет активную работу по проникновению в белогвардейские организации генерала Кутепова. Информация резидента Глинского из Праги неизменно получала высокую оценку в Центре. Сотрудникам его резидентуры удалось также проникнуть в Организацию украинских националистов (ОУН) и постоянно быть в курсе их террористических планов.

После трех лет напряженной работы в Праге Глинский возвращается в Центр. За активную работу по обеспечению безопасности СССР он был награжден вторым орденом Красного Знамени. В то время в разведке это было признанием исключительных заслуг в оперативной деятельности.

Летом 1934 года Глинский возглавил резидентуру НКВД в Париже. Перед парижской резидентурой была поставлена задача по освещению деятельности во Франции немецкой эмиграции, национал-социалистических организаций и их агентуры, а также разработке посольства Германии и других официальных представительств этой страны и их персонала.

Определенное место в работе резидентуры занимала борьба против Русского общевоинского союза, руководящие органы которого располагались в Париже. В частности, под руководством Глинского началось проведение операции по внедрению техники прослушивания в штаб-квартиру РОВС.

Парижская резидентура на регулярной основе получала информацию из канцелярий президента и премьер-министра страны по важнейшим политическим вопросам, интересовавшим Москву, в частности, об отношении Франции к СССР и нацистской Германии.

Не менее успешно велась работа против троцкистской эмиграции, поскольку в Париже обосновался сын Троцкого Лев Седов. Здесь же хранился и архив возглавляемого Троцким IV Интернационала. Резидентура регулярно информировала Центр о всех действиях и намерениях Троцкого и Седова. Эта информация немедленно докладывалась непосредственно Сталину.

Проводимая Глинским разведывательная работа во Франции заслужила высокую оценку Центра, и ему было присвоено звание старшего майора государственной безопасности (генерал-майор Красной Армии).

В августе 1937 года Глинский был вызван в Москву и арестован по личному распоряжению наркома Ежова. Ему как поляку было предъявлено обвинение в сотрудничестве с польской разведкой. 9 декабря 1937 года Станислав Мартынович Глинский был расстрелян по постановлению особой «тройки».

22 сентября 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Дмитрий Быстролетов

Дмитрий Александрович Быстролетов принадлежит к когорте видных советских разведчиков-нелегалов первого поколения, внесших в предвоенные, 1930-е годы значительный вклад в дело обеспечения безопасности нашей Родины.

Дмитрий Быстролетов родился 4 января 1901 года в селе Айборы Евпаторийского района Крыма. В 1915–1917 годах он обучался в Севастополе в Морском кадетском корпусе. В составе 2-го флотского экипажа принимал участие в десантных операциях на Турецком театре военных действий Первой мировой войны. В 1919 году окончил одновременно выпускные классы мореходной школы в Анапе и местной гимназии. Сразу же был зачислен вольноопределяющимся морских сил Добровольческой армии Деникина.

Дмитрий Александрович Быстролетов

В 1921 году в поисках работы Быстролетов нелегально выехал в Турцию и оказался в эмиграции. В Константинополе он с отличием окончил колледж для европейцев-христиан. Вскоре переехал в Чехословакию и поступил на юридический факультет Украинского университета в Праге. Одновременно, зарабатывая себе на жизнь, трудился грузчиком и плотником.

Все годы жизни в эмиграции Быстролетова не покидала мысль о возвращении на Родину. В Украинском университете в Праге был создан «Союз студентов – граждан РСФСР». Являясь секретарем этого Союза, Дмитрий получил советское гражданство.

На активного студента обратила внимание советская разведка, и вскоре резидент ИНО ОГПУ в Праге стал давать Быстролетову отдельные поручения, которые тот успешно выполнял. В апреле 1925 года в Москве состоялся 1-й Всесоюзный съезд пролетарского студенчества. Быстролетов присутствовал на съезде в качестве делегата от зарубежных студентов. Перед отъездом Дмитрий встретился с начальником Контрразведывательного отдела ОГПУ Артуром Артузовым и помощником начальника Иностранного отдела ОГПУ Михаилом Горбом. Представители ОГПУ сделали ему официальное предложение работать на советскую разведку. В Прагу Быстролетов вернулся уже сотрудником Иностранного отдела. В 1928 году он закончил обучение в университете.

В период разведывательной работы в Чехословакии, выступая с нелегальных позиций, Быстролетов провел несколько ценных вербовок. Так, в 1927 году он успешно осуществил разработку секретарши французского посольства в Праге, которая имела доступ к секретной переписке своего посла, а также к шифрам внешнеполитического ведомства Франции. В дальнейшем «охота за шифрами» стала главным направлением деятельности разведчика.

В середине 1930 года Быстролетов переехал на нелегальную работу в Берлин и возглавил одну из групп нелегалов-вербовщиков. Коммерческое прикрытие позволяло разведчику совершать деловые поездки в различные европейские страны и успешно выполнять оперативные поручения Центра.

Так, в Женеве он завербовал швейцарца, имевшего родственников, работавших в шифровальной службе итальянского дипломатического ведомства, через которого он на регулярной основе стал получать итальянские шифры и коды. Через этого же швейцарца Быстролетов вышел на одного из сотрудников французской военной разведки, который также промышлял продажей шифров ряда иностранных государств. У француза были куплены бельгийские и австрийские шифры, а также ряд документов, касающихся каналов утечки секретной информации из Советского Союза.

В Лондоне Быстролетову удалось привлечь к сотрудничеству одного из руководителей шифровальной службы британского МИДа, специалистом по разработке шифров и дешифрованию. В течение трех лет работы с ним от источника были получены английские шифры, коды, дешифровальные таблицы, еженедельные сборники шифрованных телеграмм британского дипломатического ведомства и другая секретная информация.

Работа Быстролетова получила высокую оценку Центра. Приказом ОГПУ от 17 ноября 1932 года он был награжден боевым оружием.

В 1934 году Быстролетову удалось завербовать шифровальщика посольства Великобритании в Берлине, от которого поступала ценная документальная информация. Некоторые из документов оказались настолько важными, что были доложены лично Сталину. Работа советской разведки с источником успешно продолжалась до сентября 1939 года, когда он был выдан предателем.

Находясь за границей на нелегальном положении, Быстролетов выполнял и другие разведывательные задания Центра. Однажды ему было дано поручение нелегально вывезти из Италии добытый разведкой пулемет новейшей конструкции. Разведчик блестяще выполнил задание, играя роль больного английского лорда-миллионера, страдающего припадками эпилепсии и возвращающегося на родину в сопровождении сестры-монахини. Разобранный на части пулемет разведчик провез в сумке для гольфа.

Руководство ИНО ОГПУ высоко оценило работу Дмитрия Быстролетова. В представлении к награждению разведчика нагрудным знаком «Почетный чекист», в частности, отмечалось: «Работает в качестве заместителя резидента. Проявил себя как преданный, храбрый,

настойчивый и дисциплинированный чекист. Своей исключительной выдержкой и проявленной при этом исключительной настойчивостью провел ряд разработок крупного оперативного значения. Участвуя лично в ряде опасных мероприятий, добился серьезных результатов».

Одновременно с разведывательной деятельностью в 1930–1936 годах Быстролетов учился на медицинском факультете Цюрихского университета и получил диплом доктора медицины по специальности «Акушерство и гинекология». Тогда же он, как практикующий врач одной из швейцарских частных клиник, сделал научное открытие о регулировании пола будущего младенца при планировании семьи.

Дмитрий Быстролетов был всесторонне одаренным человеком. Достаточно сказать, что он владел 20 иностранными языками, был слушателем Берлинской и Парижской академий художеств и брал частные уроки у художников-графиков.

В 1936 году после многолетнего пребывания за рубежом на нелегальной работе Быстролетов с женой приехали в Москву.

В Москве Быстролетов работал в центральном аппарате разведки. Руководство Службы готовило разведчика для выполнения нового ответственного задания. Он должен был выехать в нацистскую Германию для восстановления связи с ценным источником, занимавшим важную должность в германском вермахте. Быстролетов был представлен наркому внутренних дел Николаю Ежову как один из лучших работников разведки. На его счету было получение шифров Италии, Германии, Франции, Англии, Чехословакии, Австрии, Швейцарии и Турции. И это – не считая успешного выполнения других ответственных разведывательных заданий.

Однако отъезд за границу не состоялся. Дмитрий Александрович попал под подозрение. В ночь с 17 на 18 сентября 1938 года Быстролетов был арестован. Ордер на арест подписал первый заместитель наркома внутренних дел СССР Лаврентий Берия. Позже стало известно, что причиной ареста Быстролетова стало подметное письмо, направленное руководству НКВД, в котором утверждалось, что он является агентом чешских разведывательных органов. В процессе следствия никаких доказательств его антисоветской деятельности получено не было. Однако разведчик был осужден на 20 лет исправительно-трудовых лагерей. Заключение отбывал в северных лагерях.

В 1954 году Дмитрий Александрович был освобожден из заключения. Из лагерей он вышел инвалидом. В 1956 году Военная коллегия Верховного суда СССР после повторного рассмотрения его дела вынесла решение: «Приговор от 8 мая 1939 года по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления».

После реабилитации Быстролетов работал во Всесоюзном НИИ медицинской и медико-технической информации Министерства здравоохранения СССР в качестве научного консультанта. Он сыграл видную роль в деле расширения знаний о достижениях зарубежной медицины.

Дмитрий Быстролетов оставил потомкам богатое литературное наследие: он написал шестнадцать книг и литературный сценарий многосерийного художественного фильма. В 1973 году по его сценарию был снят художественный фильм «Человек в штатском», рассказывающий о работе разведки. В 1974 году журнал «Наш современник» напечатал его повесть «Para bellum» (с латинского – готов к бою). Позже была опубликована литературная трилогия «Пир бессмертных», в которой Быстролетов рассказал о своей жизни и работе.

Замечательный советский разведчик-нелегал Дмитрий Александрович Быстролетов скончался 3 мая 1975 года. Его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

В предисловии к книге «Пир Бессмертных», обращаясь к потомкам, Дмитрий Быстролетов писал:

«Неизбежно придет время, когда о методах государственного управления можно и нужно будет говорить спокойно и свободно, и тогда понадобятся материалы, показывающие не только одни светлые стороны нашей жизни. Нельзя одновременно клясться в том, что прошедшее не повторится, и в то же время решительно не допускать общественного обсуждения допущенных ошибок. Это затрудняет процесс оздоровления. Чтобы понимать – нужно знать...

Преступления кучки проходимцев не могут заслонить бессмертный подвиг народа, приступившего к построению новой жизни.

... Сталинская эпоха ярка и грандиозна, она велика в хорошем и в дурном, и не мне ее огульно хаять и чернить: я горжусь, что жил в это жестокое, трудное, но великолепное время!»

Резидент Георгий Косенко

27 декабря 1938 года по указанию наркома внутренних дел Лаврентия Берии был арестован и брошен во внутреннюю тюрьму на Лубянке отозванный из Парижа в Москву в ноябре того же года 37-летний резидент внешней разведки НКВД во Франции капитан госбезопасности Георгий Николаевич Косенко. Ему вменялось в вину «участие в контрреволюционной террористической организации».

Георгий Косенко родился 12 мая 1901 года в городе Ставрополь Ставропольской губернии в семье служащего. Русский. Незадолго до начала Гражданской войны он окончил в родном городе мужскую гимназию и первый курс Ставропольского сельскохозяйственного института.

Георгий Николаевич Косенко

В 1918 году отец Георгия, принимавший участие в революционных событиях в Ставрополе, был расстрелян белогвардейцами, захватившими город. А вскоре и его сестра, являв-

шаяся членом партии большевиков и работавшая в большевистском подполье, была повешена.

Георгий Косенко без колебаний встал на сторону советской власти. Он был одним из организаторов комсомола в Ставрополе, секретарем укома РКСМ Ставропольской губернии и секретарем Ставропольского городского комитета РКСМ.

В 1920 году Косенко становится сотрудником Ставропольской губернской ЧК и принимает активное участие в уничтожении остатков белогвардейских банд на Северном Кавказе. В 1921 году вступает в ряды РКП(б).

С 1924 года работает на различных должностях в органах ОГПУ в Новороссийске, Владикавказе, Ростове, Свердловске и Москве.

Еще в период учебы Георгий активно изучал французский язык. В начале 1933 года на молодого, но успевшего приобрести хороший оперативный опыт чекиста обратили внимание сотрудники Иностранного отдела ОГПУ. Его переводят в кадры внешней разведки, а уже в апреле того же года назначают на ответственную должность заместителя руководителя «легальной» резидентуры ОГПУ в Харбине.

В середине мая 1933 года Георгий Косенко прибыл в Харбин.

Главной задачей внешней разведки в данном регионе являлась борьба с вооруженной белогвардейской эмиграцией, выявление ее планов и связей с иностранными державами, вынашивавшими агрессивные планы в отношении Советского Союза.

Работа Георгия Николаевича в Харбине была исключительно успешной. В характеристике на Косенко, подписанной в начале июня 1935 года, отмечалось, что, «являясь в течение двух лет заместителем резидента ИНО ОГПУ – НКВД в Харбине, он самым активным образом помогал резиденту и добился значительных результатов в оперативной деятельности».

В документе, в частности, подчеркивалось, что Косенко через свои агентурные возможности выявил десять белогвардейских банд, сформированных японцами для переброски на советскую территорию. Им было установлено свыше 180 активных участников бандформирований, поставленных на учет в Центре. Благодаря полученной им оперативной информации, три банды (Карася, Якимова и Комиссаренко), направленные на нашу территорию, при переходе советско-маньчжурской границы были ликвидированы.

Георгию Косенко удалось также выявить 25 активных японских разведчиков, засылавшихся штабом Квантунской армии на территорию СССР. К отдельным из них были подведены агенты резидентуры, что позволило Центру быть в курсе вопросов, интересовавших японскую разведку. Одновременно Косенко через агентурные каналы установил более 300 японских разведчиков, работавших под прикрытием в различных пунктах и учреждениях марионеточного государства Маньжоу-Го.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.